

Юля Тупикина, iosono@yandex.ru, +7 909 6 777 974

СПОЙ МНЕ

ЁСЯ – 11-12-13 лет
 ШИМОНЕК – 6-7-8 лет
 РИВКА – 33 года
 БРОНЯ НОВАК – 17-18 лет
 ИРЕНА – 30-31 год
 ДОКТОР – 63-64 года
 АНДЖЕЙ – 12 лет
 ГАВЕЛ – 14 лет
 ПРОХОЖИЙ
 ДЛИННЫЙ
 ОЧКАРИК
 ТОЛСТЯК
 СТАРИК – 78 лет
 СТАРУШКА – 97 лет
 АБРАМ – 12 лет
 САБИНКА – 12-13 лет
 ЭСТЕРКА – 12 лет
 ЗАЛМАН – 7 лет
 ВЕДУЩАЯ
 ГЕСТАПОВЕЦ
 ЧАСОВОЙ
 МАЛКА – 3 года
 ЖЕНЩИНА
 КЛОУН
 ОФИЦЕР

1.

Первое сентября 1939г, квартира Гольдимицтов, Ривка и Шимонек сидят за пианино, Ривка учит его играть мелодию. Ёся слоняется по комнате, смотрит в окно, скучает. Берёт книгу, листает.

РИВКА. Ёся, положи книгу.

ЁСЯ. Мама, это Тора!

РИВКА. Это Тора, но ты читаешь “Песнь песней” Соломона. Разве у тебя уже выросла борода?

ШИМОНЕК. А что такое “Песнь песней”, мамочка?

РИВКА (*Шимонек*). Не важно, а фишеле. Вот, здесь берёшь си, а здесь соль, вот так (*играет*).

ШИМОНЕК (*играет*). Так, мама?

РИВКА. Так, да, молодец. Руку мягче, Шимон.

ЁСЯ (*глядя в окно*). Пани Новак собаку пинает.

РИВКА. Ёся, займись делом.

ШИМОНЕК. Спой мне, мамочка, а я буду играть тебе.

Шимонек играет на пианино, Ривка на идиш поёт песню о пастушке, который потерял овечку, Шимонек подпевает.

РИВКА. Iz geven amol a pastekhl, a pastekhl,
Iz ba im forlorn gegangen a shefele, a shefele.
Geyt er, zet er: fort a fur mit shteyndelekh, mit shteyndelekh.
Hot er gemeynt a'(z) dos iz fun shefele di beyndelekh, di beyndelekh.
Zogt er: "Adeyni! Adeyni! Oy Adeyni!
Tshi nye bachyu ty, tshi nye vidzyeu ty ovtsy moi?"
Makh er, "Nyet."

Byeda-byedu, ovtsy nishto!
A yak zhe ya damoy pridu?
A yak zhe ya damoy pridu?

ЁСЯ. Азохн вей ваши еврейские песни!

РИВКА. Первый раз слышу от тебя идиш, Иосиф.

ЁСЯ. В котлах же бигос прел. Такого слова нету,
Чтоб описать его по вкусу и по цвету.

Что слово? Плод ума. Что рифма? Лишь туман.

Не схватит сущности желудок горожан.

Кто не жывал в Литве, тот и в оценках пресен,

Не знает кушаний, и не отведал песен...

РИВКА. Ёся, от твоих стихов завоняло капустой.

ЁСЯ. А что, вам можно, а мне нельзя? Это Мицкевич!

РИВКА. Ты везунчик. Ради Мицкевича тебе всё прощают в школе, видно.

ШИМОНЕК (*Ривке*). Ты молодец, мамочка! Так хорошо поёшь!

РИВКА (*целует Шимонека*). Ди бист майн гарц.

ШИМОНЕК. Ты назвала меня своим сердцем.

ЁСЯ. Фу, какие нежности!

РИВКА (*Шимонеку*). Правильно, сынок. Переведи мне песню. Ты все слова понял?

ШИМОНЕК. Жил-был пастушок, и потерялась у него овечка. Так?

РИВКА. Так.

ШИМОНЕК. Вот он идёт-бредёт, видит – телега, в ней — камешки — «штэйнделах».

ЁСЯ. Мам, а можно на улицу?

РИВКА. Отдохни от этой мысли, Ёся.

ШИМОНЕК. И показалось ему, что это от его овечки косточки. А что такое "адойни", мама?

РИВКА. Это "господин мой" на иврите.

ЁСЯ. Мам!

ШИМОНЕК. Господин мой! Там дальше не понял.

РИВКА. Там дальше на смеси украинского и белорусского – "ты не видел моей овцы"?

ЁСЯ. Можно?

ШИМОНЕК. "Нет!" Говорит он пастушку. А пастушок говорит что-то...

РИВКА. Беда, нету её, как же я пойду домой?

ЁСЯ. Мама!

РИВКА (*целует Шимонека*). Ты мой хороший мальчик, а идише коп.

ЁСЯ. Ну я немножко погуляю совсем!

РИВКА (*Ёсе*). Ну что, садись, Иосиф, с тобой позанимаемся.

ЁСЯ. Что-то голова у меня разболелась, мам.

РИВКА. Ой, у него разболелась голова! Вы только посмотрите на это!

ШИМОНЕК. Он просто хочет на улицу, мам. Будет подсматривать за гимнастками вместе с этим Анджеем.

ЁСЯ (*слегка пихает брата*). Да что ты, клоп, понимаешь про взрослых!

РИВКА. Ёся! Не мучай брата! На улицу ходить не надо. Тем более, с этим хулиганом Анджеем, он тебя дурному научит. Лучше давай позанимаемся музыкой.

ШИМОНЕК. А сегодня нас не будут бомбить, мама?

РИВКА. На небе знают, сынок. Но это не страшно – мы просто немного побудем в подвале, если что.

ШИМОНЕК. Не хочу в подвале. Там темно.

РИВКА. Ну не хнычь, Шимонек! Всё будет хорошо. Иди поиграй пока.

ШИМОНЕК. А ты купишь мне самолёт? Такой военный, чтобы он сбрасывал бомбы?

РИВКА. А давай мы слепим его из глины, Шимон?

ШИМОНЕК. Нет, не хочу из глины, хочу настоящий. Такой блестящий чтобы, железный.

РИВКА. Хорошо, дорогой, вот прогонят наши солдаты этих дураков-немцев, и мы купим тебе самолёт.

ШИМОНЕК. Хорошо, мама. Я стану лётчиком, когда вырасту.

ЁСЯ. Ты же хотел стать кузнецом, клоп.

ШИМОНЕК. И лётчиком, и кузнецом. С самолёта слезу и буду ковать золото! Я же Шимон Гольдшмидт! Золотой кузнец!

РИВКА. Молодец, малыш! Будешь ювелиром, как твой дед.

ШИМОНЕК (*Ёсе*). И ты Гольдшмидт!

ЁСЯ. Ну уж нет, я этими еврейскими делами не буду заниматься.

РИВКА. Ёся, ну что, я долго тебя уговаривать буду?

ЁСЯ. Я не хочу учить все эти еврейский дурацкие песенки!

РИВКА. Что ты имеешь против еврейских песен?

ЁСЯ. Я хочу петь польские песни! Я поляк!

РИВКА. То, что ты учишься в польской школе ещё не значит, что ты поляк.

ЁСЯ. Станислав сказал вчера, что его папа сказал, что скоро всех жидов уберут из Польши. Он сказал: венгры, цыгане, жида и украинцы пожирают Польшу как раковая опухоль.

РИВКА. Фу, гадость какая. А ты скажи Станиславу, что маршал Пилсудский считал, что в Польше есть место для всех. И он уважал евреев.

ЁСЯ. Я сказал. Но он сказал, что Пилсудский умер. И что жидам теперь несладко будет.

РИВКА. А ты что?

ЁСЯ. Я дал ему в ухо.

РИВКА. Правильно сделал. А что Анджей сказал?

ЁСЯ. Анджей сказал, что жида полезные иногда.

РИВКА. Ещё бы – без тебя он бы не смог учиться в этой школе, шлимазл. Сколько ты ему раз помогал. Но не надо с ним дружить – что хорошего в этом сыне пьяницы?

ЁСЯ. Не хочу быть евреем, мама.

РИВКА. Уже поздно – мы тебя обрезали, ты навсегда еврей.

ЁСЯ. Мама!

РИВКА. Всё будет хорошо, Ёся. Скоро к нам присоединятся союзники – и быстро прогонят этих фашистов, и всё наладится.

ЁСЯ. В объявлениях мэр пишет, чтобы все мужчины шли рыть траншеи возле города. Можно я тоже пойду?

РИВКА. Лишь бы не заниматься музыкой!

ЁСЯ. Мама! Я серьёзно говорю тебе!

РИВКА. Сынок, подрасти немного. Если бы папа жив был – он бы пошёл. А дети должны заниматься музыкой.

ЁСЯ. Да не хочу я петь эти твои песни на идиш! Кому вообще нужен этот идиш! За него могут навалить на улице!

РИВКА. Ты скучаешь по папе, сынок?

ЁСЯ. Конечно, скучаю, что ты спрашиваешь!

РИВКА. А твой папа пел эти песни. Понимаешь, человек умирает, но остаётся среди нас. В песне остаётся.

ЁСЯ. Это враньё! Я знаю, что бывает потом – человека просто съедают черви! Остаётся только скелет!

РИВКА (*обнимает Ёсю*). А фишеле.

ЁСЯ. Ты назвала меня рыбой?

РИВКА. Рыбкой.

Раздаётся звонок телефона, Шимонек берёт трубку.

ШИМОНЕК. Шимон на связи. Привет, Малка! (Ривке). Мама, это бабушка звонит! Она опять называет меня Семе-э-эн!

РИВКА (*берёт трубку*). Слушаю. Мама, здравствуйте! Как вы?... Да мы-то что, мы нормально... Да, вчера бомбили, ну так, далеко... Да, сидим там... Я подумала, что да, сейчас Англия и Франция нас отобьют, и мы сразу... Мама, ну что я могу поделаться! Сейчас мы не можем оформить документы – конторы не работают, мама, нас бомбят! (*старается говорить тихо, чтобы не слышали дети*) Страшно выходить на улицу! Тут такое! Руины дымящиеся, трупы на улицах, если сразу после бомбёжки выйти... Не выхожу, конечно, да... Ну конечно, я хочу вырваться из этого ада к тебе во Францию... Спасибо, мама, да, мы получили деньги. Спасибо большое! Я их отложу на дорогу, а сейчас ещё ходят ко мне кое-какие ученики, на еду хватает, но многие магазины закрылись уже. Даже не знаю, что будет дальше... Я держусь, мама.

ШИМОНЕК. Мама! Ты плачешь?

РИВКА. Нет, Шимон, это у меня аллергия. По телефонному кабелю из Франции идёт запах амброзии, а ты же знаешь, у меня аллергия на амброзию.

ШИМОНЕК. Так положи трубку, мамочка, что ты мучаешься.

РИВКА. Алло, алло, мама, я здесь, просто Шимон немного отвлёк. На Семен он не откликается, ты же знаешь. (*Шимонек*) Бабушка велит передать тебе, что ты “шейн ви голд”.

ШИМОНЕК (*глядя на себя в зеркало*). Красивый как золото. Спасибо передай Малке! И сладкий как сахар?

РИВКА. Это само собой.

Раздаётся звонок в дверь, Ёся открывает, заходит Броня.

ЁСЯ. Мама, пришёл ученик.

БРОНЯ (*Ёсе тихо*). Наваляю тебе.

ЁСЯ. За что?

БРОНЯ. За то, что не здороваешься, клоп.

РИВКА. Мама, я перезвоню. Здравствуйте, пан Новак! Как ваши дела? Проходите.

Броня молча проходит, не разуваясь, не здороваясь, садится за пианино. На полу после него остаются грязные следы.

ЁСЯ. Мама, он натоптал!

БРОНЯ. Ну что, начнём.

РИВКА. Не начнём. Пока не поздороваемся.

Броня встаёт, убирает с пианино пятисвечник, снова садится.

В чём дело, пан Новак?

БРОНЯ. Мама сказала, не будет вам платы за прошлый месяц.

РИВКА. То есть как?

БРОНЯ. А так. Теперь вам за честь учить поляков.

РИВКА. Что?

БРОНЯ. А что слышала, красавица.

РИВКА. Нет, вы только посмотрите на это! Пан Новак, покиньте помещение.

БРОНЯ. А куда я не пойду. Урок музыки у меня.

РИВКА. Новак, покиньте помещение.

ЁСЯ. Давай! Уходи, отсюда!

РИВКА. Ёся, мама разберётся с этим.

БРОНЯ. Мама сказала, вам, жидам, скоро крышка.

ЁСЯ. Ты подлец!

РИВКА. Страшно, аж до костей пробирает! Не волнуйся, Иосиф. Ты же видишь, эр штык дрек мит фефер.

БРОНЯ. По-жидовски не выражайтесь тут.

РИВКА. Я сказала: он кусок дерьма с перцем. «Нам, жидам»... Пани Новак забыла сообщить мальчику, чей он сын.

БРОНЯ. А что? Что тут неясно – я Бронислав Новак, мой отец, пан Новак, умер, когда я был маленький.

РИВКА. Никогда он не был паном Новаком, это известный был пьяница – Лауз. Новак – это фамилия твоей мамы, а ты должен быть Лаузом – сыном еврея. Всё, быстро уходи отсюда, шлимазл!

БРОНЯ. Что вы врёте! Я сын поляка!

РИВКА. Такой же сын поляка, как я балерина Павлова. Знаешь балерину Павлову?

БРОНЯ. Нет.

РИВКА. Между прочим, её папа тоже был еврей. Всё, убирайся отсюда, пока я тебя не высекла, мерзкий мальчишка!

БРОНЯ (*перед уходом*). За грязную клевету ответите, жида!

РИВКА. Ёся, не повторяй мою ошибку, всегда слушай маму. Я не слушала свою маму, а она всегда мне говорила: долго ли ты собираешься наслаждаться благовониями у кучки навоза?

Броня уходит.

ЁСЯ. Я дам ему в ухо, мама.

РИВКА. Идём вместе – я приподниму тебя и ты дашь. Ладно, дети, давайте поужинаем. Что-то и у меня разболелась уже голова.

ШИМОНЕК. Мама, а ты обещала почитать мне сказку!

РИВКА. Ох, Шимонек, дорогой, что-то мама устала сегодня.

ШИМОНЕК. Ну, мааааам!

РИВКА. А знаешь, что мама придумала? Мама придумала такую интересную игру! У тебя же через неделю день рождения, ты помнишь?

ШИМОНЕК. Да? Это через сколько дней?

ЁСЯ. Через семь дней, клоп!

РИВКА. И мы будем играть, как на день рождения Ёси, помнишь? Вы искали бутылки.

ЁСЯ. Ура! Это хорошая игра, мам! Ты помнишь, клоп?

РИВКА. Ёся, прекрати называть брата клопом. Ты что, берёшь пример с этого шлимазла Брони?

ЁСЯ. Я больше никогда не буду тебя так называть, Семезээн.

ШИМОНЕК. Не называй меня так! Мама!

РИВКА. Ёся!

ЁСЯ. Да ладно, ладно. Мы говорили про бутылки.

ШИМОНЕК. Бутылки! Ура! Мы искали их, везде искали: в дупле, и рыли землю, и...

ЁСЯ. А помнишь, одна была на чердаке? А ещё одну мама спрятала за статуей в парке, помнишь?

ШИМОНЕК. Да! Помню! Хочу поиграть в такую игру, мам!

РИВКА. Мы обязательно поиграем в эту игру. Я уже начала прятать бутылки.

ШИМОНЕК. Ура! Ура!

РИВКА. Только не на улице, а дома.

ЁСЯ. Дома? У кого дома, мам?

РИВКА. У пана Стефана Старжинского.

ЁСЯ. Кто это?

РИВКА. Ай-яй-яй! Такой большой мальчик, а не помнит имя мэра Варшавы!

ШИМОНЕК. У мээээра?!

ЁСЯ. Мама шутит, Шимон. Ты спрятала у нас дома?

РИВКА. Светлая голова у моего еврейского сына, а идиш коп.

ЁСЯ. Ну, так неинтересно! Лучше бы на улице, мам! Ты всё испортила!

ШИМОНЕК. У нас дома?

РИВКА. Да, Шимон. И я разрешаю вам найти одну бутылку заранее! Не дожидаясь дня рождения!

ШИМОНЕК. Ура! Где она, мам?

РИВКА. Ты должен найти её, Шимон. Задавай вопросы.

ШИМОНЕК. Вопросы?

РИВКА. Я могу только отвечать «да» или «нет», помнишь?

ШИМОНЕК. Ммммм... Она лежит под кроватью?

РИВКА. Нет.

ЁСЯ. Ну так не интересно, Шимонек! Спроси про стороны света.

ШИМОНЕК. А! *(залезает в икаф и достаёт компас)* В какой стороне света, мам?

РИВКА. Только «да» или «нет», сын!

ШИМОНЕК. А! Да! Это на западе, мам?

Слышится вой сирены.

ЁСЯ. Опять! Опять, мам!

РИВКА. Всё нормально, бежим в убежище! Ёся, сумка за дверью! И возьми одеяло и фонарик! (*плачущему Шимонку*) Всё хорошо, Шимон! Бутылка в сундуке!

Шимонек не реагирует, тогда Ривка сама быстро достаёт бутылку из сундука, и они быстро выбегают из квартиры.

2.

Ёся, Ривка и Шимонек, накрывшись одеялом, сидят в бомбоубежище, в уголке, Ривка достаёт из бутылки бумажку и читает при свете фонарика сказку.

РИВКА. Когда Израиль Баал-Шем-Тов был совсем еще юным отроком, умерли его отец и мать и он остался сиротой.

ШИМОНЕК. А что такое «отрок», мам?

ЁСЯ. Тише, не отвлекай маму!

РИВКА. Ёся, еврей, не задающий вопросы – гой. Отрок – это мальчик, только немножко подросший, как наш Ёся. Так вот, он остался сиротой. Добрые люди позаботились, чтобы он мог учиться. Мальчик начал ходить в хедер, и посмотрите на это чудо: прошло совсем немного дней, он научился читать и писать и преуспел во всех науках.

ШИМОНЕК. А Ёся преуспел?

ЁСЯ. Не сомневайся! Читай, мам.

РИВКА. Но не одной наукой жив человек. Ему еще надо иметь хлеб, чтобы утолить голод, и одежду, чтобы прикрыть наготу. Но Израиль не хотел пользоваться людской милостью, а хотел на свои нужды заработать сам. Стал он искать такую работу, чтобы можно было ее выполнять ранним утром до начала уроков и ночью, после их окончания. Искал-искал и нашел. Каждое утро Израиль вставал раньше утренней звезды, обходил дома, собирал детей и отводил их на урок. А вечером, когда уроки кончались, он разводил их по домам...

3.

Мы видим сказку, которую читает Ривка.

По дороге впереди всех шагает Израиль и поёт песню. За ним идут дети помладше и тоже поют. Эту же песню поют: птицы, солнце, деревья, цветы, звери, камни, стены домов. На небе им подпевают ангелы. В аду злятся черти. Они бегают и машут чёрными крыльями. Сатана (похожий на Адольфа Гитлера) затыкает уши. Но черти подходят к нему и просят их выслушать.

САТАНА. Ну что вам?

ЧЕРТИ. Да что же это творится? Что будет с нами? Разве не можешь ты, Сатана — царь всех чертей, прекратить эту песню?

САТАНА. Я подумаю над этим.

ЧЕРТИ. Нет, ты сейчас это сделай, немедленно! Или ты не можешь справиться с этим маленьким еврейским мальчишкой Израилем?

Глухая темная ночь. Сатана на улице, спрятался за углом и ждёт. Из дома выходит заспанный Израиль. Израиль поёт песню. И сразу наступает утро, просыпаются и подпевают птицы. Израиль идёт по улице, из каждого дома к нему выходит ребёнок с книжками и тетрадками, все поют, даже птицы, звери, деревья и цветы. Сатана слышит это, и корчится как от боли.

САТАНА. Суру лахем! Суру лахем! Горе вам!

Сатана бежит за детьми, они убегают от него.

ДЕТИ. Колдун на улице!

Дети прячутся по домам. Они выглядывают из домов и по очереди кричат.

ДЕТИ. Я не буду учиться! Мы не пойдём в хедер! Это колдун!

Сатана исчез. Израиль ходит по домам детей, стучит, но никто ему не открывает. Пасмурный день, всем грустно. Израиль повесил голову.

ГОЛОС ОТЦА С НЕБА. Запомни, сын: ничего не бойся. С тобою Бог, и он тебе поможет.

С неба летит толстая палка, Израиль поднимает её. Он выходит на середину улицы и громко говорит.

ИЗРАИЛЬ. Всё будет хорошо! Посмотрите, какая у меня палка! Я его поколочу, этого злого волшебника! Пусть только сунется!

Дети робко выглядывают из домов, робко выходят. Израиль запекает песню, дети подхватывают. Начинают петь птицы, солнце, цветы, деревья, звери. В аду злятся и бегают черти, они снова прибегают к Сатане. Он перемещается на землю и прячется за углом. Сатана выскакивает из засады и бежит за детьми.

САТАНА. Суру лахем! Суру лахем! Горе вам!

Дети испуганы, а Израиль стучит своей крепкой палкой по голове Сатаны, Сатана падает. Дети с Израилем и песней уходят. Ярко светит солнце.

4.

По улицам Варшавы едет фургон, ГЕСТАПОВЕЦ в зелёной форме в громкоговоритель зачитывает приказы.

ГЕСТАПОВЕЦ. Приказ от 23 ноября 1939 года. Всем евреям и еврейкам старше 10 лет предписывается носить на правом рукаве повседневного платья и верхней одежды белую повязку шириной 10 сантиметров с изображенной на ней синей звездой Давида. Изготовление повязок, а также маркировка их соответствующим символом является обязанностью самих евреев и евреек.

Приказ от 30 ноября 1939 года. Все принадлежащие евреям магазины должны быть помечены большой звездой Давида, расположенной у входной двери в заведение. Евреям запрещается посещать главный почтамт на Варецкой улице. Еврейские школы объявляются закрытыми. Арийским частным лицам и арийским учреждениям здравоохранения оказывать медицинские услуги евреям запрещается. Приказ от 27 декабря 1939 года. Смертной казнью будут караться все, кто не сдал или утаил от оккупационных властей радиоприемники. Приказ от 20 января 1940 года. Во избежание распространения эпидемии тифа в среде еврейского населения закрываются все синагоги, ешивы, еврейские школы и ритуальные бани. Запрещается проводить молебны в общественных местах. Приказ от 28 сентября 1940 года. Евреям запрещается находиться в одном трамвайном вагоне с арийцами. Евреи могут пользоваться только трамвайными вагонами с маркировкой «Для евреев». Еврейские вагоны будут прицепляться к каждому третьему трамваю на линии. Приказ от 10 октября 1940 года. Всем евреям при встрече с немцами, как военными, так и гражданскими служащими, имеющими право на ношение формы, предписывается уступать дорогу и не возвращаться на тротуар, пока на нём находится немец. В знак уважения к форме евреи должны снимать кепки, шляпы и прочие головные уборы. Приказ от 12 октября 1940 года. Все евреи, живущие за пределами районов компактного проживания еврейского населения, должны подготовиться покинуть свои дома и переселиться в районы, специально отведенные для проживания евреев. С собой можно взять только ручную кладь или ручные тележки. Все остальное имущество должно остаться по месту прежнего проживания. Переселение польского населения из еврейских районов и перемещение всех евреев в еврейские районы должно быть завершено до конца октября.

5.

1940 год, ноябрь. Ворота гетто. У ворот часовые с собакой. Они проверяют въезжающие и выезжающие машины, входящих и выходящих людей. Ёся и Шимонек стоят на арийской стороне довольно далеко от ворот, за углом дома, на котором висит плакат “Жиды-виши-тиф”, и внимательно наблюдают за часовыми. Штаны на мальчиках снизу стянуты веревками и набиты свёклой, картошкой, репой – всё, что они сумели выпросить и украсть в окрестностях Варшавы. Они видят, как через ворота проходит женщина в форме медсестры, это Ирена, она идет медленно, её останавливает часовая, проверяет документы, отпускает, Ирена старается держаться подальше от немецкой овчарки, медленно отходит от ворот, за ней увязывается какой-то бродяга, он следит за ней. Ирена замечает это – останавливается, поворачивается к бродяге, смотрит на него в упор, прямо в глаза. Бродяга, улыбаясь, уходит к воротам. Ирена заходит за угол, оказывается рядом с Ёсей и Шимонек, внимательно смотрит на них, видит штаны, набитые овощами, выдыхает, вытирает пот со лба.

ИРЕНА. Не ходите туда.

ЁСЯ. Нам надо, пани.

ИРЕНА. Не надо вам туда.

ШИМОНЕК. Там мама наша. А вы доктор, пани?

ИРЕНА. Нет, я социальный работник.

ЁСЯ. Смело вы избавились от шмальцовника.
ИРЕНА. Подлые люди. Он чуть меня не застукал.

В это время раздаётся автоматная очередь, все трое смотрят на ворота – часовой расстрелял какого-то человека – тот хотел пронести в гетто колбасу, которой обязался под одеждой. Часовой снимает с трупа эту колбасу. Ирена хватается за юбку. Из-под юбки слышно поскуливание.

Тихо-тихо! Всё хорошо, беба.

Она, оглянувшись по сторонам, вытаскивает из-под юбки маленькую девочку лет трёх, берёт её на руки. Прохожие не замечают этого: смотрят на ворота.

ШИМОНЕК (*Ирене про девочку*). Пани социальный работник знает фокус!

ИРЕНА. Малка такая умница! Так крепко держалась.

МАЛКА. Хочу к маме.

ИРЕНА (*даёт ей булку*). Тихо-тихо, детка. (*посмотрев на мальчиков, отрывает от этой булки половину и даёт мальчикам, они мгновенно съедают*) Больше у меня нет.

ШИМОНЕК. Благодарим!

ИРЕНА. Не ходите туда. Видите, как опасно. Они вас поймают с этой картошкой.

ЁСЯ. Мы часто ходим. Что делать? Бог не бросает с неба манну. Мама заболела, не встаёт.

ШИМОНЕК. Сразу после переселения заболела. Очень холодно.

ИРЕНА. Скажите адрес, я принесу вам завтра еды.

ЁСЯ. Улица Лешно.

ИРЕНА. А дом? Номер дома?

ЁСЯ. Номер 13, подвал. Вы правда придёте?

ИРЕНА. Знаете, что. Мне надо пристроить Малку. А вы ждите меня здесь, я вернусь за вами. Покажу один пролом – и вы по нему проберётесь внутрь к маме. Но лучше не так – лучше бы вам не возвращаться туда.

ЁСЯ. Спасибо, пани. Но мы не можем бросить маму. Она не ела уже несколько дней.

ШИМОНЕК. А сегодня ночью мама дала мне хлеба и спела песню про пастушка.

ИРЕНА. Ждите меня здесь. Я вернусь через два часа. Принесу булку.

ЁСЯ. Зачем мы вам, пани?

ИРЕНА. Если видишь утопающего – постарайся спасти его, разве не так? Мне так папа говорил.

Ирена с Малкой на руках быстро уходит. Конвой на воротах сменяется с зеленого – форма солдат Вермахта – на чёрно-белый – форма еврейской полиции – и жёлтый – форма украинских и литовских полицейских.

ЁСЯ. Идём, Шимон.

ШИМОНЕК. Она же сказала ждать здесь.

ЁСЯ. Идём, может, она наврала всё, мама ждёт.

ШИМОНЕК. Но она дала нам хлеба.

ЁСЯ. Нам нужно быстро бежать с этой картошкой, намного быстрее, чем обычно.

ШИМОНЕК. Я боюсь, Ёся.

ЁСЯ. Мама обещала написать нам что-то и спрятать в бутылке, помнишь? Мы быстро прибежим, найдём бутылку и будем читать. Ты видишь, конвой сменился, это наши братья, евреи.

ШИМОНЕК. Это злые братья.

ЁСЯ. Нам пора, Шимон. Мама очень голодная, ты же знаешь.

ШИМОНЕК. Я замёрз.

ЁСЯ. Вот и согреешься.

Ёся и Шимонек приближаются к воротам гетто. Дождавшись, когда часовые увлекутся разговором друг с другом, они вбегают в ворота, но один из часовых – а это Броня Новак – успевает схватить Шимоника за шиворот. Он начинает избивать Шимоника, на помощь спешит Ёся, подключается второй часовой – они бьют мальчиков дубинками по ногам, выпадают все корнеплоды из итанов.

ЁСЯ. Отпусти его!

НОВАК. А, так это вы, клопы жидовские!

ШИМОНЕК. Ай-яй!

ЁСЯ. Отпусти, гад!

НОВАК (*Часовому*). Бей их как следует, Арон! Приготовим отбивную картошку.

ШИМОНЕК. Дяденьки! Пожалейте!

ЧАСОВОЙ. Запрещено проносить продукты в гетто, разве ты не знаешь, щенок.

ЁСЯ. Не трогай моего брата!

НОВАК. А я вас искал, всё ваше поганое семейство. И сегодня нашёл!

ЁСЯ. Что тебе надо от нас, Новак, отстань!

НОВАК. Это вы донесли, что папаша мой был еврей? Вы донесли? Мамаша ваша пианисточка?

ЁСЯ. Ничего мы не доносили.

НОВАК. Ну ничего, я сегодня её нашёл, вашу пианисточку, так что сюрприз вам.

ЁСЯ. Какой ещё сюрприз?

НОВАК. Вас бы надо в тюрьму, где вы сдохнете от дезинтерии, но я отпускаю вас. Чтобы вы посмотрели мой сюрприз, ха-ха!

НОВАК. Какой ещё сюрприз, Новак?

НОВАК (*бьёт Ёсю кулаками*). Пан Новак, для тебя я пан Новак, клоп!

Ёся и Шимонек вырываются и убегают от полиции, избитые и без овощей.

6.

Ёся и Шимонек забегают в свою лачугу, но мамы там нет – вместо этого на старой кровати лежит какой-то больной старик и стонет, а женщина и двое детей таскают вещи, обустроиваются.

ШИМОНЕК. А где мама?

Никто не отвечает.

ЁСЯ. Это наш дом. Где наша мама?

ЖЕНЩИНА. Мы теперь тут живём, убирайтесь.

ЁСЯ. То есть как это, пани?

ЖЕНЩИНА. Я плохо понимаю польский, говори на идиш.

ЁСЯ. Я не знаю идиш. Где наша мама?

ЖЕНЩИНА. Нас привели сюда, говорят – живите. Тут не было мамы.

ЁСЯ. Кто привёл?

ШИМОНЕК (*плачет*). Хочу к маме!

ЁСЯ. Не плачь, Шимон.

ЖЕНЩИНА. Пригнали сюда как скотов. Месяц на улице жили. Лауз везде, вши. Пригнали из Германии. Быть не внутри и не снаружи — нет ничего хуже. А Гитлеру гореть в аду при жизни.

ШИМОНЕК (*плачет*). Где моя мама?!

ЖЕНЩИНА (*даёт ему сухарь*). И уходите отсюда. Убирайтесь. Цит оп фун данен!

ЁСЯ. Тут наши вещи! Бутылка.

Женщина даёт им металлическую кружку и пустую бутылку, выталкивает за дверь. Ёся и Шимонек садятся на холодную мостовую, рассматривают бутылку – внутри ничего нет.

ШИМОНЕК. Я замёрз. Хочу есть. Ноги болят.

ЁСЯ. Где же мама?

ШИМОНЕК. Ты слышишь? Я хочу есть! Мне холодно!

ЁСЯ. Должна же она была написать нам, передать записку.

ШИМОНЕК. Она не успела, наверное.

Мимо проходит прохожий – их сосед. Ёся бежит за ним.

ЁСЯ. Пан Адам! Пан Адам! Подождите! Мы ваши соседи! Вы не видели нашу маму?

ПРОХОЖИЙ. Ваша мама уже не здесь.

ЁСЯ. Мы знаем, а где она? Где?

ПРОХОЖИЙ. В лучшем мире.

ЁСЯ. Где? На арийской стороне? Она на арийской стороне?

ПРОХОЖИЙ. Можно и так сказать.

Прохожий уходит.

ЁСЯ. Мы должны её как-то найти, Шимон.

ШИМОНЕК. А где мы будем спать сегодня? А что мы будем есть?

ЁСЯ. Я не знаю.

Мимо идут люди. Много нищих, которые просят милостыню. Появляется какой-то клоун. Он говорит изредка одну фразу – “Алле глайх!” Он передразнивает пешеходов, нищих, кривляется. Голодные замученные люди улыбаются ему, останавливаются. Он показывает пантомиму, в которой нищий просит милостыню, но ему подают лишь камни, тогда нищий якобы ест

эти камни и они выпадывадывают у него из штанин, складываясь в слова и во фразу “Гитлер – капут” – бурные аплодисменты зрителей.

КЛОУН (обходя со шляпой зрителей). Алле глайх!

Кто-то бросает в шляпу монетки, но большинству положить нечего, один парень снимает с себя старый жилет и дарит клоуну в благодарность.

ЁСЯ. Что такое “алле глайх”, Шимон?

ШИМОНЕК. Все равны, кажется.

ЁСЯ. Алле глайх. А как попросить хлеба на идиш?

ШИМОНЕК. Говори так: Naks Rakhmunes! A stikel broit!

ЁСЯ. Что это означает?

ШИМОНЕК. Пожалейте! Подайте хоть кусочек хлеба!

ЁСЯ. Naks Rakhmunes! A stikel broit!

Кто-то кидает им в кружку монетку. Тогда Шимонек начинает петь.

ШИМОНЕК. Iz geven amol a pastekhl, a pastekhl,

Iz ba im forlorn gegangen a shefele, a shefele.

Geyt er, zet er: fort a fur mit shteyndelekh, mit shteyndelekh.

Hot er gemeynt a'(z) dos iz fun shefele di beyndelekh, di beyndelekh.

Zogt er: “Adeyni! Adeyni! Oy Adeyni!

Tshi nye bachyu ty, tshi nye vidzyeu ty ovtsy moi?”

Makh er, “Nyet.”

Byeda-byedu, ovtsy nishto!

A yak zhe ya damoy pridu?

A yak zhe ya damoy pridu?

Пока Шимонек поёт, Ёся пристаёт к прохожим с кружкой. Раздаётся звук машины. Все прохожие и Ёся с Шимонекком сразу же разбегаются, прячутся кто куда. Автотранспорт запрещён в гетто, поэтому гул от немецкого фургона слышен так хорошо. Из фургона Гестаповец в серо-синей форме СС на ходу бьёт дубинками, утыканными гвоздями и бритвенными лезвиями, тех людей, которые не успели далеко убежать.

7.

Декабрь 1940, арийская сторона Варшавы. Ёся и Шимонек, оборванные, продают газеты на улице.

ЁСЯ. Свежие газеты! Покупайте свежие газеты! “Новый курьер варшавский”!

ШИМОНЕК. Новости! Горячие новости!

ЁСЯ. За убитого немецкого офицера будет расстреляно шестьдесят жителей Варшавы!

ШИМОНЕК. Врачи предостерегают от эпидемии тифа!

ЁСЯ. Успехи немецкой авиации! За год уничтожено четыре сотни английских кораблей!

ШИМОНЕК. Лондон скоро будет стёрт с лица земли! Успехи Люфтваффе!

ЁСЯ. Франция стала фашисткой! Жители Франции приветствуют арийский порядок в своей стране!

ШИМОНЕК. Жиды – разносчики тифа и вшей!

ЁСЯ. Новый фильм “Вечный жид”!

ШИМОНЕК. Прогноз погоды!

ЁСЯ. Свежие газеты! Покупайте свежие газеты!

Прохожие быстро идут мимо. Один прохожий остановился.

ПРОХОЖИЙ. Прогноз погоды? Где?

ЁСЯ. Да, пан, покупайте газеты. На последней страницы.

Прохожий передаёт Ёсе монеты, берёт газеты, вырывает кусочек с последней страницы, остальное комкает и бросает на тротуар, им тут же играют как мячом дети. Прохожий уходит.

ЁСЯ. Я бы тоже не покупал это дерьмо.

ШИМОНЕК. Надо было продавать другие газеты.

ЁСЯ. Других нет. Они теперь все такие.

ШИМОНЕК. У меня живот прилип к позвоночнику.

ЁСЯ (*считает деньги*). Пять, пятнадцать... Купим кипятка и одну похлёбку.

ШИМОНЕК. Хочу фаршированную рыбу.

ЁСЯ. Может, выучить немецкую песню? Ты бы пел, немцы бы кидали деньги.

ШИМОНЕК. Я не знаю немецких песен. Я знаю песенки на идиш и две на польском.

ЁСЯ. Тихо, не говори это слово.

ШИМОНЕК. Какое? Идиш?

ЁСЯ. Тихо! Ты поляк Шимонек Ковальский, а я поляк Ежи Ковальски, наши родители умерли, мы сироты, родственников нет. Мы знаем только польский. Да, надо попробовать петь по-польски.

ШИМОНЕК. Я хочу есть. Зачем мы не подождали ту пани?

ЁСЯ. Какую?

ШИМОНЕК. Пани Ирену. Надо было подождать её.

ЁСЯ. Хватит ныть. Мы ещё должны найти маму.

ШИМОНЕК. Но мы же обыскали парки, и на чердаке, и во дворе искали – нигде нету бутылки...

увсЁСЯ. Не плачь, Шимон.

ШИМОНЕК. А эти люди потом уйдут из нашей квартиры?

ЁСЯ. Конечно, уйдут, война закончится, мы найдем маму и они уйдут. Мы вернёмся в нашу квартиру и скажем: это наше пианино! Это наши игрушки! Эту железную дорогу нам подарила бабушка из Франции. И они извинятся и быстро уйдут, а сначала быстро помоют пол. Скажут: извините, нам просто негде было жить, а теперь возьмите этот самолёт, мы вам его дарим.

ШИМОНЕК. Самолёт!

ЁСЯ. Да, красивый, как настоящий. Тебе.

ШИМОНЕК. Я скажу: благодарю, давайте быстрее и уходите, я так давно не спал в своей кровати.

ЁСЯ. Они на цыпочках уйдут.

ШИМОНЕК. Давай поедим и будем ходить по улицам, вдруг мы случайно встретим маму. Или пани Ирену.

ЁСЯ. Я что-то придумал. Ты стой здесь, я сейчас приду. Подожди меня немножечко. Мне надо посмотреть в одном месте, я вспомнил. Вдруг там мама оставила бутылку для нас.

ШИМОНЕК. Я с тобой.

ЁСЯ. Нет, Шимон, жди здесь.

ШИМОНЕК. Ёся...

ЁСЯ. Тсссс... Как ты меня назвал?

ШИМОНЕК. Ежи.

ЁСЯ. Жди меня здесь, пан Шимонек Ковальский, и никуда не уходи.

Ёся убегает. Шимонек садится на какую-то дощечку прямо на тротуар, рядом кладёт стопку газет.

ШИМОНЕК (*поёт колыбельную на польском*). Gdy śliczna Panna Syna kołysała, z wielkim weselem tak Jemu śpiewała:

Lili lili laj, moje Dzieciąteczko,
lili lili laj, śliczne Paniąteczko.

Прохожие кидают ему деньги, Шимонек собирает их. Вдруг он видит спину женщины в шубе, она похожа на Ривку. Шимонек бежит за ней.

Мама! Мама! Стой! Мама, это я, твой Шимонек! Мамочка моя!

Она не останавливается, идёт дальше. Шимонек догоняет её и цепляется за шубу.

ПРОХОЖАЯ. Убери свои руки! Кыш! Кыш!

ШИМОНЕК (*видит, что обознался*). Ты не моя мама. Zayt mir moykhl.

ПРОХОЖАЯ. Тут жидёнок, держите его! Он напускал вшей мне на шубу! Он хотел ограбить меня! Тут жид! Тут жид!

МАЛЬЧИШКА. Берите, парни, хворостину, гоните жида в Палестину!

Шимонек убегает, за ним гонятся какие-то мальчишки, один из них кидает ему вслед камень. Возвращается Ёся. В руках у него бутылка, внутри видно записку. Ёся ищет Шимоника и нигде не может найти его.

ЁСЯ. Шимонек! Шимонек Ковальский! Шимонек!

От досады Ёся пинает тот самый камень, которым кинули в Шимоника. Какие-то дети играют этим камнем как мячом.

8.

Январь 1941. Вокзальная площадь, на ней стойка уличных мальчишек-чистильщиков обуви. К ним подходят пассажиры поездов: те, кто уже приехал или только собирается. Среди чистильщиков – Ёся. Между делом они собирают с мостовой окурки и вытряхивают остатки табака себе в карман.

АНДЖЕЙ. Чистые ботинки – счастливые тропинки!

ЁСЯ. Чистые сапоги – на свидание беги!

ГАВЕЛ. Подходи скорее пан – быстро уберу изъян!
 АНДЖЕЙ. Чищу обувь дешёво – и всего хорошего!
 ЁСЯ. Хочешь топтать о паркет – почисти у меня штиблет!
 ГАВЕЛ. Натру до блеска – платите без довеска!

Мальчики бегут и хватают за рукава прохожих, предлагая почистить ботинки.

АНДЖЕЙ. Так, ребята, разбираем, я вон того длинного.
 ГАВЕЛ (*Ёсе тихо*). Ты, это, не лезь, а.
 ЁСЯ. Я не лезу.
 ГАВЕЛ. Вот и припухни, чтоб не слышно, не видно.

Длинный ставит ногу на скамеечку Анджея, Очкарик – Ёсину, Гавелу достаётся молчаливый Толстяк.

АНДЖЕЙ (*Длинному*). Уж как я начищу вам, пан, уж как начищу! Как в зеркало смотреться будете!
 ДЛИННЫЙ. Работай там, не болтай.
 ЁСЯ (*Очкарику*). День добрый, пан. Позвольте ногу.
 ОЧКАРИК. Какой вежливый пацан.
 АНДЖЕЙ (*Длинному*). А не хотите ли табачку, пан?
 ДЛИННЫЙ. Знаю я твой табак! Ты собираешь окурки, всякие бациллы туберкулёзные у тебя, а не табак!
 ОЧКАРИК (*Ёсе*). А что, ты в школе учился?
 ЁСЯ. Конечно, учился, пан.
 ОЧКАРИК. Читать умеешь?
 ЁСЯ. Конечно, умею, пан. Читать, писать, математику, французский язык, много ещё чего.
 ОЧКАРИК. Ишь ты. И как же ты на улице оказался?
 ЁСЯ. Родители погибли, мы вдвоём с братом остались, газеты продавали. Месяц назад он потерялся на улице. Теперь я один.
 ДЛИННЫЙ. Да все вы так рассказываете, на жалость давите. (*Очкарику*) Не верьте ему, он всё врёт.
 ЁСЯ. Нет, уважаемый пан, я не вру. Всё правда. Хотите, я вам стихотворение расскажу?
 ОЧКАРИК. Ты знаешь стихи?
 ДЛИННЫЙ. Стихи! Знаем мы эти стихи: чистые ботинки – счастливые тропинки.
 ЁСЯ. Я могу рассказать Мицкевича.
 ОЧКАРИК. Мицкевича? Да ты врешь. Откуда тебе знать Мицкевича.
 ЁСЯ (*читает стихотворение*). В котлах же бигос прел. Такого слова нету,
 Чтоб описать его по вкусу и по цвету.
 Что слово? Плод ума. Что рифма? Лишь туман.
 Не схватит сущности желудок горожан.
 Кто не живал в Литве, тот и в оценках пресен,
 Не знает кушаний, и не отведал песен.
 Да, бигос - лакомство, особенный состав,
 Где сочетание всех специй и приправ.
 Капусты квашеной туда крошат с любовью,

Она сама в уста влезает, по присловью.
 Потееет, парится капуста на огне,
 Под нею мяса слой томится в глубине.
 Но вот кипящие перебродили соки
 И с паром брызнули по краюшку потеки,
 Пополз по просеке крепчайший аромат.

Очкарик присвистнул.

АНДЖЕЙ. Да, мы учились с ним вместе в школе.
 ДЛИННЫЙ. Как вкусно прочитал, сразу захотелось есть. Неподходящие стихи для такого голодного времени. Прямо-таки вредные стихи! Они разжигают аппетит!

Толстяк расплачивается мелкой монетой за чистку обуви с Гавелом, подходит к Ёсе.

ТОЛСТЯК. Сынок, ты прочитал стихи о родине, о нашей Польше.
 ДЛИННЫЙ. Да ладно, это же стихи о бигосе! Где тут родина?
 ТОЛСТЯК (*Длинному*). У меня свой рестораник. Я знаю, о чём говорю. (*Ёсе*) Береги себя, сынок.

Толстяк даёт Ёсе купюру и уходит.

АНДЖЕЙ. Ого, сколько он дал – как будто за месяц работы! Ты всегда был везунчиком!
 ОЧКАРИК. Ну вот, даже в голодное время стихи чего-то стоят. (*даёт Ёсе деньги за работу*) Столько не смогу дать, но держи двойную плату.
 ДЛИННЫЙ. Ох и хитрые вы, чего не сделаете только за копейку.
 АНДЖЕЙ. Мы честно работаем, пан.

Очкарик и Длинный уходят.

ГАВЕЛ (*Ёсе*). Какого чёрта? Я тебе сказал припухнуть и молчать! Это был мой клиент! Значит, мои деньги!
 ЁСЯ. Но он мне дал не за чистку, он мне дал за стихи.
 ГАВЕЛ. Вы, жида...
 АНДЖЕЙ. Заткнись, Гавел. Он мой друг, я же сказал тебе. Заткнись.
 ГАВЕЛ. Да какой ты поляк, если твой друг жид!
 АНДЖЕЙ. Ты получишь сейчас у меня, Гавел. Я сказал тебе: он – мой друг.
 ГАВЕЛ. Ну погоди, жидёнок у меня.
 ЁСЯ. Гавел, ну ты тоже можешь рассказывать стихи.
 АНДЖЕЙ. Он не знает стихов, он не ходил в школу.
 ГАВЕЛ. Я сейчас покажу тебе стихи.

Гавел нападает на Ёсю и бьёт его. Анджей еле разнимает их.

АНДЖЕЙ. Ну хватит! Была бы бутылка, так была бы причина драться, как говорил мой папаша-пьяница.

ГАВЕЛ. У него есть бутылка, кстати, он её всегда с собой таскает. (Ёсе) Ну что, что там у тебя в бутылке? Карта жидовских сокровищ?

ЁСЯ. Отстань. Не твоего ума дело.

Гавел пытается вырвать у Ёси его узелок, в котором бутылка, но Анджей не даёт.

АНДЖЕЙ. Гавел! Хватит!

К ним походит немецкий офицер, мальчики сразу испуганно замирают. Оглядев всех, офицер садится к Ёсе, закуривает сигарету, Ёся начинает чистить сапог. Гавел встаёт и подходит близко к Ёсе.

ГАВЕЛ (Ёсе). Убирайся в своё гетто, жид!

Ёся замер. Все они смотрят на реакцию офицера. Офицер схватил за шиворот Гавела и дал ему пинка.

ОФИЦЕР (Гавелу). Ты - иуда, таких не любят люди. (Ёсе) Работай.

Ёся чистит сапог. Офицер достаёт из рюкзака бутерброд и даёт его Ёсе. Ёся ест. Офицер уходит. Анджей отламывает у Ёси бутерброд и тоже ест.

ГАВЕЛ. Я покажу вам!

АНДЖЕЙ. Ну ты и везунчик, Ёся.

Гавел пытается убежать, но в это время на площадь выезжает фургон, из него выскакивают немецкие солдаты, они ловят и заталкивают в фургон всех уличных мальчишек: попрошает и чистильщиков обуви. Ловят Ёсю, Гавела и Анджю.

9.

Это же время. Общественная баня, холл, немецкие солдаты-часовые. Большая толпа подобранных на улице грязных, оборванных и завшивленных детей, они кое-как построены в ряд. Среди них – Ёся, Гавел и Анджей.

ГАВЕЛ. Вы как хотите, а я молчать не буду.

АНДЖЕЙ. Я тебе морду набью.

ГАВЕЛ. Посмотрим.

Ёся и Анджей переглядываются.

ЁСЯ. Я дам тебе деньги.

ГАВЕЛ. Сколько?

ЁСЯ. Все злотые.

ГАВЕЛ. Мало.

В помещение входит Ирена, за ней Гестаповец. Ёся узнаёт Ирену, радуется, она пока не видит его. Гестаповец ходит вдоль ряда детей и внимательно их рассматривает.

ГЕСТАПОВЕЦ. А сейчас евреи, цыгане и калеки пусть сделают шаг вперёд.

Ёся незаметно через Анджея даёт Гавелу деньги – те, что получил от Толстяка. Гавел молча берёт. Гестаповец продолжает ходить по ряду и рассматривать детей. Никто не делает шаг вперёд. Гестаповец выдёргивает из толпы мальчика с заячьей губой и другого, с внешностью цыгана.

Эти двое останутся. Остальные сейчас пойдут в баню. Нищие – это позорное явление. Мне плевать на еврейские кварталы, но здесь, на арийской стороне, развелось слишком много вас, попрошайек. Вы несёте угрозу здоровью населению. Немецкая власть совместно с отделом социального обеспечения Варшавы поселит вас в польские дома для сирот. Вы вырастете и станете солдатами великой империи великого фюрера! Зиг хайль!

ВСЕ (*кое-как*). Зиг хайль!

Вводят новую партию оборвышей.

ГЕСТАПОВЕЦ. Всё, идите, вы должны снять одежду и пройти дезинфекцию, а потом я осмотрю всех ещё раз. Идите за пани социальным работником.

Среди вновь прибывших Ёся видит Шимонек. Ёся кидается к нему, обнимает, Шимонек в страшных лохмотьях.

ЁСЯ. Шимонек! Шимонек! Брат! Какое чудо! Ты здесь! Шимонек! Где же ты был! Я тебя искал весь месяц!

ШИМОНЕК. Ё...

ЁСЯ. Я твой брат Ежи Ковальский.

ШИМОНЕК. Ежи. Я побежал за мамой, а это оказалась не мама. А потом я чуть не замёрз. Спал в подвале.

ЁСЯ. Ну не плачь, не плачь! Мы самые счастливые с тобой! У меня есть бутылка от мамы! Ты видишь – какое чудо! (*отдаёт ему бутылку*)

ШИМОНЕК. Бутылка от мамы?

ЁСЯ. Да! Мы будем читать письмо! Какое чудо! Я такой везунчик! Ты видел – и та добрая пани здесь, пани Ирена!

ШИМОНЕК. Пани Ирена здесь?

ЁСЯ. Да, а это узнаешь? (*указывая на Анджея*) Это же Анджей! Помнишь, хулиган Анджей, с которым мама не велела играть!

АНДЖЕЙ. Привет, Шимонек!

Все дети раздеваются, бросают одежду в кучу.

ГАВЕЛ. И вы мне ещё должны. Раз вас двое теперь.

ШИМОНЕК. Кто этот мальчик?

ЁСЯ. Ничего, Шимонек, мы что-нибудь придумаем.

Ёся берёт Шимонека за руку, они подходят к Ирине.

ЁСЯ. Пани Ирена, добрый день!

ИРЕНА. Что?

ШИМОНЕК. Вы помните нас? (*тихо*) Вы тогда прятали девочку под юбкой.

ИРЕНА. Вы почему не подождали меня? Почему ушли?

ЁСЯ. Нам надо было к маме в...

ИРЕНА. Тихо.

ЁСЯ. Ну, вы понимаете, туда.

ИРЕНА. А где она сейчас?

ЁСЯ. Мы не знаем, ищем. Она куда-то делась.

ИРЕНА. И вам надо куда-то деться.

ШИМОНЕК. Как хорошо, нас помогут горячей водой. Я так давно не мылся.

ИРЕНА. Возьмите вашу одежду и оденьтесь.

ЁСЯ. Ну почему, пани Ирена?

ШИМОНЕК. Я не надену больше эту одежду: она шевелится от вшей.

ИРЕНА. Быстро, делайте как я говорю.

10.

Ёся и Шимонек, вымытые, завернутые в одеяла, сидят за столом в квартире Ирены и жадно едят. Ночь, на столе свеча. Ирена улыбается.

ШИМОНЕК. А почему мы не забрали с собой Анджея?

ИРЕНА. Он поляк, а в бане опасно только евреям.

ШИМОНЕК. Почему? Мы же сказали им, что мы Ковальские, поляки.

ИРЕНА. Потому что легко увидеть, мальчик еврей или необрезанный гой.

ЁСЯ. Спасибо вам, пани Ирена. Мама найдёт нас и тоже поблагодарит вас.

ИРЕНА. Дай-то бог.

ШИМОНЕК. Бутылка от мамы!

Шимонек шустро бежит за бутылкой, даёт её Ирине.

ИРЕНА. Боже мой, какая хорошая идея хранить письма. Ваша мама молодец. Где вы нашли это?

ЁСЯ. Ну, я вспомнил, что на улице стоит статуя, и там дыра в постаменте, туда раньше мама клала уже бутылку. И я, в общем, нашёл.

ИРЕНА. Это настоящее чудо!

ШИМОНЕК. Читайте! Читайте! Мы узнаем, где она!

ЁСЯ. Да, может, она и не сообщает, где она, Шимон.

ШИМОНЕК. Читайте, пани Ирена.

ИРЕНА. Какой у вашей мамы детский почерк. “Дорогие дети! Это я, Ривка, пишу вам. Я пока не знаю, где я, но вот-вот закончится война и я вас найду...”

ШИМОНЕК. Мама!

ИРЕНА (*продолжая читать*). Шимонек, я тебя очень люблю. Слушайся Ёсю.

Ёся – молодец, его я очень-очень люблю, своего везунчика.

ШИМОНЕК. А меня?

ЁСЯ. Она же написала: очень, Шимонека очень люблю.

ИРЕНА (*продолжая читать*). А пока напишу вам стихотворение.

В котлах же бигос прел. Такого слова нету,

Чтоб описать его по вкусу и по цвету.
 Что слово? Плод ума. Что рифма? Лишь туман.
 Не схватит сущности желудок горожан.

ЁСЯ. Всё.

ИРЕНА. Да, всё. Листок заканчивается. (*переворачивает листок*) Это какой-то обрывок афиши.

ЁСЯ. У неё кончилась бумага. И кусок угля кончился.

ШИМОНЕК (*плачет*). А почему мама не написала на идиш?

ИРЕНА. Не плачь, малыш, она напишет на идиш тоже.

ЁСЯ. Это Мицкевич.

ШИМОНЕК. Ой-вей, где же моя мамочка?

ИРЕНА. Сейчас люди теряются, малыш, но потом они все найдутся.

ШИМОНЕК. У вас хорошая бабушка, пани Ирена.

ИРЕНА. Это моя мама. У неё очень болит сердце, она быстро устаёт.

ЁСЯ. Она такая добрая. Даже пошла попросила мыла для нас.

ИРЕНА. Да, нам бы не хватило мыла отмыть вас, и вашу одежду. Надеюсь, соседка наша ничего не заподозрила.

ЁСЯ. А мы так и будем жить у вас, пани Ирена?

ИРЕНА. Нет, к сожалению. Я вас устрою в монастырь или в семью – завтра они подтвердят, станет известно. Вам дадут другие имена.

ШИМОНЕК. Я не хочу!

ИРЕНА. Это временно, пока не кончится война, а потом мама или родственники найдут вас.

ЁСЯ. У нас бабушка Малка во Франции, город Монпелье.

ИРЕНА. Ну вот, вас найдёт бабушка и заберёт.

ШИМОНЕК. Пани Ирена, а спойте песенку.

ИРЕНА. Какую песенку, Шимонек?

ШИМОНЕК. Про маму.

ИРЕНА. Но я не знаю песен на идиш, я полька.

ШИМОНЕК. Пусть так.

ИРЕНА (*поёт песню на польском*). *Azeby ja byla*

U matuchny dluzy,

Oj chodzilaby ja

Jak kwiatyszek rozy.

Oj chodze ja chodze,

Jak biolna lilija

Gdzie ja sie obroce,

Wiatrek mna powija.

Wyjnde na poliszko,

Zaspiwam se jeszcze,

Spojrze na slonyszko,

Wysoko my jeszcze.

Wysoko, wysoko,

Porwano Bogu-Ojcu,

Nie wyspala ja sie

*Po wczorajszym toncu.**

Раздаётся телефонный звонок, Ирена берёт трубку.

Ирена Сендлерова слушает... Но... Да, я понимаю, но как же так? ... Да, я понимаю, но... Да, я понимаю... Да. Завтра утром они будут там.

Ирена кладёт трубку.

Завтра вы должны вернуться в гетто. Немцы узнали, что не хватает двух мальчиков, кто-то сказал им. Они поняли, что я кого-то увела и требуют, что я вернула вас им, или вернула в гетто. Ничего не поделаешь, в этот раз так. Но обещаю - я вытащу вас оттуда. Обещаю, слышите? Вы слышите? А теперь давайте я буду рассказывать вам сказки до утра. До утра ещё есть время. Я знаю много польских сказок. Вот слушайте. Жила когда-то в одном селе крестьянка-вдова с тремя малыми детьми. Трудилась она, не покладая рук, чтобы вскормить и вспоить своих сыновей. Выросли они все трое добрыми и пригожими молодцами. Старший сын стал солдатом. Обошёл он со своим полком много ближних и дальних стран. А когда надоело ему воевать, воротился в родную деревню, гордо выпятив грудь, увешанную медалями за храбрость. Средний сын отправился учиться в город Краков. Там он превзошёл все науки и тоже воротился домой, задрвав важно нос. А самый младший сын, которого звали Мачей, остался дома. Он пахал землю и заботился о старой матери. Поэтому старшие братья считали его невеждой и простаком. Они иногда даже называли его дурачком, но только за глаза, потому что Мачей кормил своим трудом всю семью, да к тому же тяжёлая крестьянская работа сделала его таким сильным, что он легко мог справиться с ними обоими. Поэтому в доме старой вдовы царили мир и любовь...

11.

Мы видим сказку, которую рассказывает Ирена.

Мать заболела. Заходят врачи, но они никак не могут помочь, качают головами. Заходит старушка, осматривает мать. Показывает в окно на далёкую гору.

Старший надевает солдатский ранец, берёт саблю и идёт к горе. Долго нет его. Мать болеет, сохнет.

Кладёт средний брат в сумку еды, какую-то книгу с заклинаниями и уходит к горе. Долго нет его. Мать болеет, сохнет. Собирается идти Мачей. Положил немного еды в сумку, взял посох, поцеловал мать. Мачей подходит к высокой горе, вершина в облаках. Шагает Мачей по каменистой тропинке. Навстречу выходит человек в форме офицера гестапо. Они идут вместе, лохоят до развилки: от каменистой тропинки отклоняется другая, широкая и ровная. Гестаповец тянет Мачея на широкую тропинку. Мачей отталкивает его и идет дальше по каменистой тропинке. Какие-то люди с топотом и криками догоняют Мачея, кусают его за ноги, хватают за рубаху. Мачей упрямо идет вперёд. Люди отстают от него.

Вдруг в чистом, усеянном звёздами небе вспыхивает ослепительная молния, гора дрожит от оглушительных раскатов грома. Пламя озаряет всё ущелье. Охваченные пламенем вековые деревья с громким треском падают на землю.

Мачей шагает прямо в огонь. И вот огненная завеса разошлась. Впереди — вершина горы. Но тут появляется новая перграда — высокая гладкая скала, а под ней чудовище о семи головах: поднялось, ощетинилось, выпучило налитые кровью глаза и грозно рычит. Мачей бросился вперёд и замахнулся на чудовище

своим посохом - оно провалилось сквозь землю, и на том месте, где оно находилось, открылся вход в тёмную пещеру.

Мачей входит в пещеру и оказывается в прекрасном саду: цветы, ветви фруктовых деревьев протягивают спелые, сочные плоды. Но Мачей не обращает внимания на это, идёт по тропинке дальше, она приводит к великолепному дворцу: стены золотые, хрустальные светильники, у стен большие сундуки, полные золота, серебра и драгоценных камней. Ноги Мачея утопают в мягких коврах, а широкие кровати с пуховыми перинами манят отдохнуть. Выбегают красивые девушки с крыльями бабочек, порхают вокруг Мачея. Но он прогоняет их посохом. Он доходит до железной двери, она открывается. Мачей видит старое дерево с серебряными листьями, под ним родник. Мачей пьёт из родника, это прибавляет ему сил. Он достаёт из родника золотой кувшин, наполняет его, ломает ветку дерева и уходит. Мачей выходит из пещеры, идёт по тропинке, видит по бокам сожжённые деревья, разрушенные бомбами дома, погибших от взрывов людей, обломки танков. Мачей макает ветку в кувшин и откροпляет всё водой. И тотчас деревья становятся зелёными, дома новыми, люди оживают, улыбаются, танки превращаются в детские горки. Старший и средний братья идут рядом с Мачеем, остальные люди идут вслед, все вместе приходят в деревню, в дом матери. Мать совсем высохла и уже закрыла глаза. Мачей окропляет её водой – она открывает глаза, улыбается, оживает, становится большой, очень большой мамой, берёт на руки всех – и Мачея, и братьев, и всех остальных.

12.

Ирена, Ёся и Шимонек идут по улице гетто, в толпе людей с повязками на руках. Везде стоят столы, за ними старики, молодые парни с горящими глазами, худые женщины с уцепившимися за них детьми пытаются продать старые часы, куски пирога, тряпки, стоптанные ботинки, цепочки, кастрюли, ложки. Продавцы хватают потенциальных покупателей за рукава, что-то бормочут. На мостовой сидят и просят милостыню дети. Тут же лежат трупы худых людей, их раздевают догола и здесь же надевают эту одежду другие люди, трупы прикрывают газетами или мусором, битым кирпичом. Какой-то немецкий солдат привёз в гетто свою нарядную подружку, они ходят, смеются и брезгливо морщатся, фотографируют друг друга, целуются.

Патруль шагает вдоль стены. Когда патруль уходит – часть стены разбирают по кирпичу и внутрь гетто передают контрабанду, снова закладывают отверстие. Мешки перелетают через стену гетто – их тут же разбирают какие-то люди, убегают в подворотню. Ребёнок лезет под стеной, он сделал подкоп, но мешок его застрял на арийской стороне – подлетает полиция в жёлтой одежде и избивает ребёнка, отбирает мешок.

Патруль скучает. Патруль заставляет высокого танцевать с маленькой, старого с ребёнком, хромого с одноногим – люди пляшут до изнеможения, патруль смеётся, люди падают.

Вдруг на улице выезжает фургон. Люди в панике бегут по подворотням, Ирена с мальчиками тоже. Из фургона свешивается гестаповец, он расстреливает из автомата всех, кто не успел убежать.

13.

Дом сирот Януша Корчака. Ёся и Шимонек только что пришли, и сразу застали приготовления к Хануке. Дети украшают помещение своими рисунками: на них подсвечники-ханукии, пончики, драники-латкес, танцующие люди.

САБИНКА (*поёт*). Хануке, ой, Хануке!

А йом тов а шейнер
А люстигер, а фрейлихер,
Нито нох а зейнер
Але нахт ин дрейдл шпилн мир
Зудигхейсе латкес эсн мир
Гешвиндер циндт киндер
Ди динике лихтелех он.
Зогт «Ал а-нисим», лобт Гот фар ди нисим,
Ун кумт гихер танстсн ин кон!

ШИМОНЕК. Идиш!

ЁСЯ. Она поёт о Хануке?

ШИМОНЕК. Да, она поёт, что всю ночь мы будем играть в волчок и есть латкес. Правда? Мы, правда, будем?

ЁСЯ. Это просто песня.

ШИМОНЕК. Я так люблю мамины латкес.

ЁСЯ. Но ведь Ханука уже прошла, почему у них Ханука?

К ним подходит рыжий мальчик с живыми глазами – Абрам.

АБРАМ. Эй, вы новенькие?

ЁСЯ. Кажется, да.

АБРАМ. Сироты?

ШИМОНЕК. Нет, у нас есть мама.

АБРАМ. Так идите к своей маме. Здесь дом сирот.

ЁСЯ. Наша мама потерялась, нам негде жить.

ШИМОНЕК. Но она нас скоро найдёт.

Абрам хватает шапку Шимонек и надевает на себя, смешно передразнивая. Шимонек не злится, смеётся со всеми. Но Ёсю это задевает, тем более, он видит, что и Сабинка тоже смеётся.

ЁСЯ (*пытаясь снять с Абрама шапку*). Отдай!

Абрам ловко уворачивается, все ещё больше смеются, Ёся смущён. Он не замечает, что Абрам уже ловко поменял шапки – надел на Ёсю шапку Шимонек и наоборот – это вызывает просто гомерический хохот.

АБРАМ. Чудо! Вы видите чудо Хануки! Знаменитое чудо с шапками!

ЁСЯ. Какое ещё чудо с шапками?

Новый приступ смеха.

САБИНКА. Ну всё, хватит, Абрам, отдай им шапки. (*Ёсе и Шимонек*) Меня зовут Сабинка, а вас как?

ЁСЯ. Меня Ёся, а это Шимонек.

ШИМОНЕК. Мы иногда Ковальские, иногда Гольдшмидт.

Все снова смеются.

ЭСТЕРКА. Удобно. Уж не родственники ли вы нашему пану Доктору?

ШИМОНЕК. А он Ковальский или Гольдшмидт?

АБРАМ. Ковальские все на арийской стороне, а здесь гольдшмидты. Но вообще-то пан доктор – Корчак. Корчак – его фамилия, слышали?

ЗАЛМАН. Вы книжки-то читаете?

ЁСЯ. Конечно, читаем.

ШИМОНЕК. Но мы не читали про Корчака.

Все снова смеются.

САБИНКА. Не про него, а его книжки! «Король Матиуш первый»!

ЗАЛМАН. И «Король Матиуш на необитаемом острове».

АБРАМ. Януш Корчак. Наш пан Доктор – пан Януш Корчак, невежды!

САБИНКА. Да ты сам-то, Абрам, давно ли стал читать книги?

ЁСЯ. Я читал, да! Это про мальчика-короля, он там идёт на войну!

АБРАМ. Может, вы даже слышали про Хануку?

ШИМОНЕК. Да, мы слышали!

АБРАМ. А идише коп!

ШИМОНЕК. Да, меня так мама называла, а ещё – а фишеле.

САБИНКА. А фишеле! Рыбка! Меня так называла бабушка! Дай я обниму тебя, а фишеле.

Сабинка обнимает Шимонек, и снимает с него его ветхую верхнюю одежду.

ЁСЯ (*тихо Сабинке*). Если я скажу «а фишеле», ты меня тоже обнимешь?

Сабинка загадочно улыбается ему.

САБИНКА (*всем громко*). Я смотрю, все отдохнули от этой мысли - готовиться к Хануке. А нам надо отрепетировать танец, пока пан Доктор не пришёл.

ЁСЯ (*тихо Сабинке*). А почему у вас Ханука?

САБИНКА (*тихо Ёсе*). Потому что это нахес.

ЁСЯ. Нахес?

АБРАМ. Эй, о чём это вы там шепчетесь?

ЭСТЕРКА. Да пусть шепчутся.

Сабинка отходит от Ёси с Шимонек и хлопает в ладоши.

САБИНКА. Залман! Ну и где твоя хвалёная скрипка?

ЗАЛМАН. Там же, где твои хвалёные краски, которые ты мне обещала.

САБИНКА. Идн, гибт а кик: музыкант хочет стать художником!

ЁСЯ (*тихо Шимонеку*). Что такое нахес, Шимон?

ШИМОНЕК. Нахес – это счастье.

Залман играет на скрипке, дети танцуют, к ним присоединяются Ёся и Шимонек.

14.

Никто не замечает, что тихо вошёл Доктор, он с улыбкой наблюдает за танцами детей. За плечами его тяжёлый мешок, в руках посох, он аккуратно спускает мешок на пол, видно, что этот человек устал и болен, но хочет держаться прямо.

САБИНКА. Пан Доктор пришёл!

Все бегут к Доктору, забирают у него мешок и палку, пальто, несут ему стул.

ДОКТОР. Как вы хорошо танцуете! Какие молодцы! Я не видел красивее танца!

АБРАМ. Пан доктор, мы топтались по ногам друг друга как молодые слоны!

ДОКТОР. Энергичные и весёлые молодые слоны, Абрам, энергичные и весёлые – а это радует хорошего воспитателя.

ЗАЛМАН. А что радует плохого?

ДОКТОР. А плохого радует, когда дети сидят как куклы и учат грамматические правила, Залман. Как хорошо, что ты такой любознательный!

ЗАЛМАН. А почему слёзы и море солёные?

САБИНКА. Залман! Потом!

ДОКТОР. Это очень серьёзный вопрос, мы побеседуем с тобой об этом позже.

САБИНКА. А у нас новенькие, пан Доктор.

ДОКТОР. Ну-ка, позвольте взглянуть на вас.

Ёся и Шимонек подошли ближе.

АБРАМ. Это Ёся, а это Шимонек.

САБИНКА. Наоборот, Абрам!

ЭСТЕРКА. Да он нарочно так делает, чтобы внимание привлекать.

АБРАМ. А! Точно! Вот он – Ёся, а он Шимонек. Ковальские-Гольдшмидт.

ДОКТОР. Как интересно! А пани Ирена сказала – Гольдшмидт, я, может, и взял-то вас только потому, что вы мои однофамильцы, а теперь выясняется, что вы какие-то Ковальские!

ЁСЯ. Дело в том, что Ковальские – фальшивая фамилия, я придумал её для конспирации, чтобы на арийской стороне...

ДОКТОР. Всё в порядке, Ёся, я просто немного шучу, сегодня такой день – хочется смеяться, веселиться. Сегодня Ханука!

ШИМОНЕК. Но ведь Ханука была раньше, пан Доктор, разве нет?

ДОКТОР. Шимонек, я смотрю, ты тоже любознательный человек, как и наш Залман, и не принимаешь на веру что-то, не проверив, не задав вопрос. Это очень правильно, это по-еврейски.

САБИНКА. Идишкайт!

ДОКТОР. Да, правильно, Сабинка – еврейский дух! Понимаешь, Шимон, у нас своя собственная Ханука. Ханука Дома сирот Януша Корчака. Мы как маккавеи закрылись в храме и жжём огни, и радуемся.

ШИМОНЕК. И едите пончики и латкес?

Все смеются.

АБРАМ. Да! По ночам Всевышний посылает нам горы латкес! И вагон пончиков! Мы буквально не знаем, куда их девать!

ШИМОНЕК. А почему вы не толстеете?

Снова все смеются.

САБИНКА. А для этого мы танцуем до изнеможения!

ЁСЯ. Шимон, Абрам шутит.

ДОКТОР. Дети, сегодня произошло настоящее ханукальное чудо! Человек, который много раз отказывался давать мне денег, вдруг согласился, и дал целую горсть злотых!

АБРАМ. Ура! Ура!

САБИНКА. Ура!

Абрам делает акробатическое колесо от радости, а Залман быстро играет на скрипке что-то торжественное.

ЭСТЕРКА (*про Абрама*). Ну, поглядите на него – лишь бы все на него смотрели, а дыбек.

ЗАЛМАН (*Эстерке*). А почему тогда ты на него всегда смотришь?

ЭСТЕРКА (*краснеет*). И вовсе не смотрю!

САБИНКА. Да хватит вам!

ДОКТОР. Так что я смог купить у одного надёжного человека немного масла.

САБИНКА. Масло! Мазл тов!

АБРАМ. Кого это ты поздравляешь?

САБИНКА. Всех нас, конечно! Масло!

ДОКТОР. А другой человек дал мне целый мешок картошки! Я еле донёс!

ШИМОНЕК. Ура! Латкес!

ДОКТОР. Да, сынок, ты правильно понял – будем делать картофельные оладьи! У нас будут настоящие латкес!

Все кричат «Ура!»

ШИМОНЕК. И этот мешок картошки мы сегодня съедим?

САБИНКА. Ты думаешь, тут мы все? Другие на уроках там. Нас двести человек в доме.

ЭСТЕРКА. Не совсем точная цифра, ты не очень дружишь с математикой, Сабинка.

ДОКТОР. Но это ещё не все чудеса. (*Сабинке*) Отнесите пока на кухню добычу, дети.

Дети уходят и волокут мешок, остаются только Шимонек и Залман. Доктор таинственно достаёт из мешка небольшой радиоприёмник.

ЗАЛМАН. Радио?

ДОКТОР. Это астропсихомикрорадио.

ШИМОНЕК. Ой.

ЗАЛМАН. А оно работает? А оно разговаривает со звёздами? А как его включить?

ДОКТОР. Тише-тише, Залман, сынок. Я всё расскажу. Этот прибор вместо музыки и вестей передаёт духовные лучи.

ЗАЛМАН. Духовные лучи?!

ДОКТОР. Да, духовные лучи. Этот прибор изобрёл мой друг – профессор Зи. И теперь можно транслировать нравственную силу!

ШИМОНЕК. Как это, пан Доктор? Не понимаю.

ДОКТОР. Идите сюда.

Доктор подводит мальчиков к окну. Через занавеску они видят немецкого часового с автоматом, который контролирует ситуацию возле стены гетто и внутри гетто. Доктор нажимает какие-то кнопки на радио.

Вот. Вот. Этот человек принимает на себя сигналы нашего астропсихомикроадио. Он становится добрее.

ЗАЛМАН. Становится добрее? Правда?

ДОКТОР. Правда. Сердце его теперь будет биться в другом ритме, в ритме жизни. Такой человек вдруг посмотрит нам в глаза и поймёт, что мы все – люди. Понимаете, мы же все – люди. И евреи, и немцы, и поляки. Мы умеем любить, мы плачем солёными слезами, как море. Морская вода насыщена микроэлементами, хлоридом натрия, поэтому она солёная. А человек насыщен чувствами, мыслями, идеями. Человек – это такой поток живого, хрупкого, это такой поток любви. Мы сегодня вечером зажжём первую ханукальную свечу, и я расскажу вам еврейскую сказку. А теперь бегите. Покажи Шимонеку, где он будет спать. А я пока отдохну.

ШИМОНЕК. Пан доктор, а можно попросить вас одну вещь?

ДОКТОР. Конечно, Шимон, слушаю тебя, сынок.

ШИМОНЕК. Вы не могли бы найти нашу маму? Может быть, она где-то здесь. Мы с Ёсей искали на арийской стороне – и не нашли.

ДОКТОР. А как выглядит ваша мама, Шимон?

ШИМОНЕК. Она с длинными руками, и пальцы у неё длинные. Волосы тёмные. Добрые глаза.

ДОКТОР. Будет нелегко...

ШИМОНЕК. Тогда я буду ходить по улицам и искать её.

ДОКТОР. Мы не выходим из нашего дома, только в самых крайних случаях. У меня появилась идея. Давай напишем объявление и повесим на наш Дом сирот? Напишем: здесь живут Ёся и Шимонек Гольдшмидт. Давай? А твоя мама будет идти мимо и прочтёт, и сразу зайдёт!

ШИМОНЕК. Ура! Спасибо, пан Доктор!

ДОКТОР. А теперь бегите.

ЗАЛМАН. Пойдём в спальню. Ты будешь спать со мной, кроватей на всех не хватает. Покажу тебе ноты, у меня есть, но ты не умеешь их читать, конечно. Только никогда не трогай мою скрипку.

ШИМОНЕК. Я умею играть на фортепиано.

ЗАЛМАН. Скрипка – это идишкайт.

ШИМОНЕК. Музыка – это идишкайт.

ЗАЛМАН. А я тебе ещё покажу дрейдл. Мы сами сделали дрейдл с Лейбом.

ШИМОНЕК. Дрейдл – это что?

ЗАЛМАН. И этот человек говорит мне об идишкайт! Дрейдл – это волчок.

Шимонек и Залман уходят. Доктор сразу стареет лет на десять. Он горбится, опускает голову, задирает штанины и рассматривает свои опухшие ноги. Он кашляет, ему тяжело и больно.

15.

Помещение учебного класса дома сирот, тот же день. Сабинка и Эстерка сидят за столом, Абрам не может сидеть, он ходит взад вперёд. Ёся сидит немножко в стороне.

САБИНКА. Итак, комитет, у кого есть, что сказать?

ЭСТЕРКА. У тебя, конечно.

САБИНКА. Так, Эстерка, говори ты. Я вижу, у тебя есть в голове план праздника, самый лучший.

ЭСТЕРКА. А кому какое дело, какой у меня в голове план.

АБРАМ. Эстерка, ты задираешься.

ЭСТЕРКА. Аж два раза.

АБРАМ. Нет? Ну, докажи.

ЭСТЕРКА. Золст ди зайн гизинт мит дайне киндер ин мит эйнекел, Сабинка.

АБРАМ. Ха-ха! У меня так бабушка говорила, когда хотела сказать: чтоб вас черти побрали!

ЭСТЕРКА. Я всего лишь сказала: желаю здоровья тебе, твоим детям и внукам.

САБИНКА. Можно, мы продолжим наше дело? Или вам и так хорошо?

АБРАМ. Значит, так. Я предлагаю. Мы покажем спортивный номер. Я выйду, покажу колесо. Сальто сделаю. Могу постоять на голове.

САБИНКА. И какое это отношение имеет к Хануке?

АБРАМ. Ну, это покажет, ну, покажет, какие мы, евреи, ловкие. Это идишкайт!

ЭСТЕРКА. Ха-ха!

АБРАМ. Что тут смешного? Ханука – это праздник победы евреев над греко-сирийскими войсками.

ЭСТЕРКА. А идише коп!

АБРАМ. Ну ещё можно так. Я выйду и расскажу смешные истории про Гершеле Острополера.

ЭСТЕРКА. Ха-ха!

САБИНКА. И какое отношение имеет Гершеле Острополер к Хануке?

АБРАМ. Вот послушай, Сабинка. Приходит богач к Гершеле Острополеру и говорит: быстро, не раздумывая, солги, и я дам тебе рубль. Гершеле быстро, не раздумывая говорит: дайте два, как только что обещали.

ЭСТЕРКА. Ха-ха!

АБРАМ. Ну почему ты не смеёшься, Сабинка?

САБИНКА. Ёся, а что ты там сидишь, ты теперь тоже в комитете. Предлагай.

ЁСЯ. Я бы мог почитать стихи Мицкевича.

АБРАМ. Да разве ты еврей – ты гой!

ЁСЯ. Но не буду. А давайте сделаем театр теней.

САБИНКА. Театр теней?

ЁСЯ. Да, такое что-то таинственное. Сначала темно. Вообще темно, как в бомбоубежище. Потом свеча. И начинается представление. Фигурки из бумаги на палочках. На стене крупные отражения.

САБИНКА. Мне нравится эта мысль!

ЁСЯ. А дальше история. Что-то про евреев, как они там... Что там было?

АБРАМ. Он не знает про Хануку! Вы только посмотрите на этого гоя!

САБИНКА. Греки притесняли евреев, заставляли забыть язык, обычаи. И даже осквернили Храм в Иерусалиме. И тогда правоверные евреи восстали. Они освободили Храм, Иегуда Маккавей и другие. И они не могли найти чистое масло, понимаешь? Чистое масло, чтобы зажечь менору. Только один кувшин. Разве мама не рассказывала тебе про это?

АБРАМ. Его мама еврейка?

ЁСЯ. Она рассказывала, но я не хотел тогда, не хотел слушать. А что было дальше?

САБИНКА. А дальше – нахес.

АБРАМ. Они нашли маленький кувшин с маслом, его бы только на один день хватило, а его хватило на все восемь!

ЁСЯ. Как такое могло произойти?

САБИНКА. Это чудо.

ЁСЯ. Я понял.

Ёся начинает вырезать из бумаги фигурки.

Их будет четверо. Как нас. Иегуда и ещё один парень, и две женщины. И вот, представьте, они в храме, темно, и горит масло, и они ждут, что вот-вот огонь потухнет.

САБИНКА. Да! Они заперлись тут в Храме, а снаружи война, люди погибают, греки убивают людей, а они в храме закрылись, и они смотрят на огонь.

Случится чудо или нет?

ЁСЯ (*Сабинке*). Сколько будет 1941 прибавить 1941?

САБИНКА. 3882.

ЁСЯ. Случится.

САБИНКА. А как будет на идиш «семья»?

ЁСЯ. Мишпуха.

САБИНКА. Случится.

ЁСЯ. Был нос у одного зайчонка совсем как...

САБИНКА. Хобот у слоненка!

ЁСЯ. Зайчонок свой длиннющий нос...

САБИНКА. С гордостью по жизни нёс!

ЁСЯ. Год рождения маршала Пилсудского?

САБИНКА. 1867! Нашествие саранчи – кто?

ЁСЯ. Саранчи?

САБИНКА. Ну, имя героя, который спас всех евреев.

ЁСЯ. Моисей! Алою лентой губы,

и мила твоя речь,

половинкой граната щека

из-под кудрей.

Пауза

САБИНКА. Что это?

ЁСЯ. «Песнь песней» Соломона.

АБРАМ. А разве можно детям читать это?

Ёся. Ты хороша, подруга моя,
ты хороша,
глаза твои - два голубка
из-под кудрей,
волосы - козье стадо,
что скатилось с высот Гилада.

Эстерка ерошит волосы, чтобы казаться красивее, но Абрам и Ёся смотрят на Сабинку. Сабинка покраснела и смотрит в пол.

16.

Импровизированная сцена. На ней Сабинка, Ёся, Абрам, Эстерка – они кланяются, им бешено аплодируют дети – все 200 человек – и взрослые: пан Доктор, воспитатели. Только что закончился спектакль театра теней.

ДОКТОР. Друзья мои! Только что мы посмотрели замечательный спектакль, который создал комитет первого дня Хануки – Сабинка, Абрам, Эстерка и новый наш мальчик – Иосиф, Ёся. Вот так вот сразу ребята задали нам высокую планку, и что будет показывать комитет восьмого дня – я не знаю: симфонию, оперу – что? Переплюнуть будет нелегко!

Оживление в зале, чей-то выкрик: «Вы ахнете! Мы вам такое покажем!», ответный: «Если как в прошлый раз – мы не ахали, мы храпели!»

Тише, тише! Спектакль был прекрасный. Не совсем про Хануку – формально. Он был, скорее, про любовь.

Оживление в зале, выкрики девочек: «Ещё хотим про любовь!»

Да, любовь – это чудо, и Ханука – это чудо! Поэтому Ханука – она про любовь!

Аплодисменты в зале.

А теперь я зажгу ханукию.

Дети помогают доктору зажечь одну свечу ханукии. По знаку Доктора, звучат скрипки, весёлая музыка, вносят блюда с латкес. Всеобщие аплодисменты, крики восторга. Дети под музыку едят латкес, потом танцуют. Сабинка танцует с Ёсей.

ДОКТОР. И такая будет притча первого дня. Садитесь и слушайте, дети. Много лет тому назад жил в Земле Израильской один человек по имени Нахум, только все звали его «Нахум-иш-гам-зо» - Нахум-всё-к-лучшему. А почему его так звали? Да потому, что в любой ситуации, что бы с ним ни случилось, даже очень плохое, он не сердился, а говорил: “Ничего, всё к лучшему. Всё, что делает Всевышний, — всё к добру”. Однажды евреи решили послать дорогой подарок римскому кесарю, чтобы он не шел на них войной и не совершал набеги на их страну. Они взяли большой ящик, положили туда серебро, золото и драгоценные камни, и договорились послать это цезарю. Позвали Нахума-всё-к-

лучшему и спросили его: «Согласен ли ты отправиться в город Рим и доставить этот ящик кесарю?» Нахум, как обычно, с удовольствием согласился. «Но чтобы ты знал: дорога длинная и тяжелая, — сказали ему, — разбойники могут напасть на тебя и отобрать ящик. Они могут даже убить тебя».

Нахум и на это ответил: «Всё к лучшему. Всё, что делает Всевышний, всё к лучшему». Взял он ящик и отправился в путь. Пришел в порт Яфу, сел на корабль и поплыл. Много дней плыл корабль по морю, гонимый волнами и ветром. Но Нахум не жаловался и не сетовал, а только говорил: «И это к лучшему». Когда корабль, наконец, пристал к суше, Нахум сошёл с него и пошел дальше. Он нёс на спине ящик, а в ящике серебро, золото и драгоценные камни. Шёл он, шёл целый день и поздно вечером пришёл в лес. А в лесу была тьма непроглядная, лил дождь, и лес был полон разбойников и диких зверей.

Нахум-всё-к-лучшему сказал про себя: «Не пойду через лес ночью. Где-то тут у дороги я видел харчевню. Зайду туда, дождусь утра, а утром двинусь дальше».

Так и сделал. Зашел в харчевню, уселся около печки, положил обе руки на ящик да и уснул. Увидели хозяева харчевни еврея, что спит, крепко держась за свой ящик, и сказали друг другу: «У него, наверное, в ящике много добра».

Они подкрались к нему потихоньку, убрали руки его с ящика, а он ничего не услышал. Они открыли ящик и страшно обрадовались: серебро, золото и драгоценные камни! Всё это они забрали себе, а ящик наполнили землей и поставили обратно. Нахум же всё спал, и ничего этого не услышал. Он видел хорошие сны, и даже не подозревал, что случилось.

Настало утро, проснулся Нахум-всё-к-лучшему и вновь отправился в путь. Миновал опасный лес, взбирался на горы, пересекал реки, но не останавливался. «Всё к добру», - говорил он и шагал дальше. Шёл он, шёл, пока не добрался до города Рима, и вошёл во дворец самого кесаря. Подал Нахум ящик кесарю и говорит: «Вот тебе подарок от евреев земли израильской!»

Открыли слуги ящик, а он полон песка и пыли. Кесарь пришел в гнев великий и воскликнул: «Не иначе, как евреи захотели надо мной посмеяться. Убить немедленно того, кто принес такой подарок, а евреев земли израильской жестоко наказать!» «Всё к лучшему, - сказал, услышав это, Нахум,- всё, что делает Всевышний, — всё к добру».

Удивились все, кто услышал его слова, что он не испугался и не запросил пощады. А Всевышний увидел, что и тут Нахум не сомневается в его доброте и послал ему на помощь Илью-пророка в облике царского советника. Пробрался Илья-пророк во дворец и сказал: «Господин мой! Не надо злиться и обижаться! Кто знает? Может быть, это земля святая, наподобие той, что была у Авраама-евреина. Рассеянная в воздухе, она обращалась в мечи, а попадая на стрелы противника, превращала их в стебли тростника». «Не может этого быть!» — сказал кесарь.

«Давай попробуем и посмотрим», — сказал Илья-пророк. Он взял немного песка, бросил его в воздух, и тут случилось чудо: песок тотчас обратился в мечи. Тогда он высыпал немного пыли на стрелы, и стрелы превратились в стебли тростника. «Отличный подарок прислали мне евреи! — воскликнул кесарь, — Теперь я смогу победить всех врагов, и никто не сможет мне противостоять».

Очень обрадовался кесарь подарку, что принес ему Нахум-всё-к-лучшему, и велел отвести Нахума в царские кладовые. А там ему насыпали полный ящик серебра, и золота, и драгоценных камней, и дорогого жемчуга, и всяких богатств — семь раз столько, сколько принес Нахум в своем ящике.

Отправил римский кесарь Нахума-всё-к-лучшему домой с большими почестями на дорогом коне. На обратном пути он вновь проезжал трактир около леса. Увидели хозяева трактира, что он верхом на дорогом коне, одет в новые одежды и на ногах новая обувь и сопровождают его воины кесаря, и спросили: “Что ты такого привез кесарю, что он вознаградил тебя такими почестями?” “Всё, что я взял здесь, я привез туда”, — ответил он.

Когда Нахум выехал из ворот и отправился своей дорогой, трактирщики быстро наполнили песком и пылью десять больших ящиков, приговаривая: “Если кесарь так обрадовался одному ящику с нашей пылью, он наверняка еще больше обрадуется и вознаградит нас в семьдесят раз больше, если мы привезем ему так много пыли”. Пришли они к кесарю и сказали: “То, что привез тебе тот человек, это была земля с нашего огорода. И сейчас мы привезли тебе еще этой земли”. Открыли слуги кесаря ящики — и в самом деле: в каждом из них пыль и песок, точно такие же, как привозил Нахум. Кесарь очень обрадовался и сказал: “Прекрасно! Теперь я одолею всех врагов. Никто не посмеет к нам сунуться! Потому что у меня будет много мечей, а их стрелы не поразят моих воинов”.

Приказал кесарь своим слугам тут же бросить песок в воздух, потому что ему срочно нужны были мечи. Но нет, не обратился песок ни во что хорошее, потому что если песок простой, он только пачкает пол дворца. А пыль, если она простая, не может обратить стрелы в тростник.

Кесарь страшно рассердился на трактирщиков и приказал их наказать. А Нахум-всё-к-лучшему продолжал свой путь, пока не добрался с миром в землю израильскую. Он рассказал тамошним мудрецам всё, что с ним приключилось, и закончил: “И все вы видите, что всё в этом мире к лучшему. Всё, что делает Всевышний — всё к добру!”

17.

Весна 1942 года. Холл дома сирот, Ёся и Сабинка убираются, они дежурные. Ёся тайком вытаскивает бутылку с запиской внутри, ставит её на видные места – но Сабинка не замечает, поэтому ему приходится снова и снова переставлять бутылку.

ЁСЯ. Сабинка

САБИНКА. А?

ЁСЯ. А спой мне.

САБИНКА. Спеть? Что?

ЁСЯ. Всё равно, что. У тебя голос красивый.

САБИНКА (*поёт*). Купите, койфт жэ, койфт жэ папиросн

Трукэнэ фун рэгн нит фаргосн

Койфт жэ билик бэнэмонэс

Койфт жэ хот ойф мир рахмонэс

Ратэвэт фун хунгер мих ацинд

Купите, койфт жэ, швэбэлэх антикн

Дер мит вэт ир а ёсмл дэрквикн

Умзист майн шрайен ун майн лойфн

Кэйнер вил ба мир нит койфн.

Ойсгейн вэл их музн ви аһунт.

ЁСЯ. Мама такую песню не пела нам.

САБИНКА. Ну, ты был чистенький мальчик, а песня же про папиросы.

ЁСЯ. Купите же, купите папиросы,
 Подходи, пехота и матросы.
 Подходите не робейте,
 Сироту, меня, согрейте,
 Посмотрите - ноги мои босы.
 САБИНКА. Э! Так всё-таки знаешь эту песню!
 ЁСЯ. Я слышал, как один нищий её пел – на польском, там, на арийской стороне.
 САБИНКА. Я думала, ты одного Мицкевича своего знаешь.
 ЁСЯ. Сабинка!
 САБИНКА. А?
 ЁСЯ. Ты курила?
 САБИНКА. Нет, а ты?
 ЁСЯ. Я когда работал чистильщиком обуви – то курил.
 САБИНКА. Фу, ты как Абрам – он всегда этим хвастается. И ещё тем, что воровал.
 ЁСЯ. На арийской стороне?
 САБИНКА. Ещё раньше, до оккупации.
 ЁСЯ. Сабинка!
 САБИНКА. А?
 ЁСЯ. Имя такое красивое у тебя.
 САБИНКА. Мама назвала.
 ЁСЯ. А кто была твоя мама?
 САБИНКА. Портная.
 ЁСЯ. Хорошая?
 САБИНКА. Нет, не хорошая. Лучшая. Она могла сшить всё-всё! Вот вырасту и тоже стану шить на заказ.
 ЁСЯ. Ты и сейчас уже шьёшь хорошо. Шимонеку такую рубашку красивую сделала, спасибо тебе!
 САБИНКА. Из платья Эвы. Пусть земля тебе будет пухом, Эва... Швейной машины нет, так что... А потом, война закончится, я сошью себе десять пышных платьев! Нет, двадцать!
 ЁСЯ. Двадцать?
 САБИНКА. Тридцать.
 ЁСЯ. И я тебе подарю столько же.
 САБИНКА. Ха! Надо запомнить. Напиши мне расписку.
 ЁСЯ. У тебя такие руки красивые, как у моей мамы. Длинные пальцы.
 САБИНКА. Это потому что я опять похудела. Знаешь, я давно говорю пану Доктору, что нужно отменить эти субботние взвешивания. Ну зачем? Он так ужасно расстраивается от них.
 ЁСЯ. Да, год назад, когда я только пришёл, у тебя были такие щёчки.
 САБИНКА (*расстраивается*). Ну вот.
 ЁСЯ. Зато сейчас у тебя такие большие глаза! Такие огромные! Весь мир отражается в них!
 САБИНКА. Жуткое, наверное, зрелище.
 ЁСЯ. Сабинка...
 САБИНКА. А?
 ЁСЯ. А где твоя мама?
 САБИНКА. Раньше мы жили в таком прекрасном доме! Ты же не был никогда в нашем доме на Крохмальной! А там было как в раю. Всё пан доктор придумал.

Всё-всё. Там была даже канализация. Маленькие раковинки – чтобы малыши умывались. И просторно так было. А у пана Доктора под крышей был свой кабинет. Тоже просторный. К нам, знаешь, приезжали разные важные люди, всё смотрели, восхищались. Говорили - это лучший дом сирот в мире.

ЁСЯ. Твоя мама умерла?

САБИНКА. Он, знаешь, называет меня иногда беба. Так мама меня называла. Беба, детка. А я его про себя зову: майн таты.

ЁСЯ. Папа? Он, скорее, дедушка!

САБИНКА. А я зову: майн таты. Однажды ребята играли в мяч и разбили стекло. И он сказал: вы не поранились? Ну и хорошо. И всё, представляешь?

ЁСЯ. Представляю. Помнишь, Шмуль подговорил Шимонека украсть очки пана Доктора? Он сказал потом: не делай так больше никогда, Шимон. Простил сразу.

САБИНКА. Он всегда, всегда так! Я помню, как давно ещё Абрам к нам поступил. Это сейчас он такой примерный, а был такой уличный, дикий, ужас. Даже пани Стефа сказала: Эр тойг аф капорес – он ни на что не годится. И только пан Доктор верил. Абрам стал мучить одного мальчика, Давида. Раз налил ему ночью в постель воды, как будто Давид не добежал до уборной. Давид проснулся, плачет. И пан Доктор сказал: будете сидеть в спальне, пока не скажете, кто это сделал. И они сидели все в спальне, им туда завтрак принесли. Потом поняли, что это сделал Абрам, сказали пану Доктору. Он велел попросить прощения у Давида. И сказал: никогда так больше не делай. Абрам заплакал даже. Его раньше в его семье много били, он даже из дома убежал. Мне самый родной пан Доктор. Он моя мишпуха.

ЁСЯ. Как ты думаешь, мы вернёмся на арийскую сторону?

САБИНКА. Конечно. Пан Доктор говорит же. Точно вернёмся. Кончится война – выгонят этих фашистов – и мы вернёмся в наш дом на Крохмальной. Всё будет хорошо.

ЁСЯ. Пан Доктор вчера совсем не мог один идти в своё путешествие. Он взял меня, чтобы я помог тащить мешок.

САБИНКА. Он болеет. Мне сказала пани Стефа, что у него больное сердце и в лёгких вода.

ЁСЯ. Да, он болеет. Мы обошли десять адресов, и никто не дал нам денег. И картошки не дал. Нечего было тащить. Пан Доктор целовал одному человеку руку, плакал – и тот вынес немного репы.

САБИНКА. Бедный мой Доктор.

ЁСЯ. Другой человек дал какую-то гниль. Пан Доктор стал возмущаться, что не будет кормить детей этим, тогда тот человек молча вытолкнул нас за дверь.

САБИНКА. Надо потерпеть. Немного потерпеть. Немного осталось совсем. Ты видишь – весна, вся природа пробуждается, солнышко. Мне приснился хороший сон. Всё будет хорошо, пан Доктор сказал.

ЁСЯ. Пан Доктор, пан Доктор! А если он умрёт, наш пан Доктор? Если он завтра умрёт от сердца? Что мы будем есть?

САБИНКА. Тише, ты что? Тихо, пан Доктор услышит. Всевышний не допустит. Всё будет...

ЁСЯ (*перебивая*). Хорошо? Хорошо, да? Да с чего ты взяла? Люди умирают, мы шли по улице – худые такие лежат. И дети. Их много, очень много, больше, чем год назад.

САБИНКА. Просто сейчас эпидемия тифа.

ЁСЯ. Да выйди ты на улицу! Ты посмотри вокруг!

САБИНКА. Может, хватит кричать? Я не буду выходить, пан Доктор не велит нам выходить на улицу, там опасно.

ЁСЯ. Да, там опасно.

САБИНКА. Нит гидайге, Ёся.

ЁСЯ. Ты сказала – не отчаивайся?

САБИНКА (*наконец-то находит бутылку Ёси*). Что это? (*хочет выбросить*)

ЁСЯ. Погоди, там что-то внутри...

САБИНКА (*достаёт записку из бутылки, читает*). Ди бист майн гарц, а зисер майн кинд, а лихтекер пунем, голд майнс.

ЁСЯ. Как это перевести?

САБИНКА. Так ласково, как мама. Тут написано: сердце моё, сладость моя, ненаглядный, золотце моё.

ЁСЯ. Или ненаглядная.

САБИНКА. Как?

ЁСЯ. Мы же не знаем, кому это.

САБИНКА. Да, правда, откуда это?

ЁСЯ. Я не знаю.

САБИНКА. Отнесу пану Доктору.

ЁСЯ. Да не надо, зачем. Оставь себе.

Сабинка краснеет, смущается.

ЁСЯ. Я устроюсь на работу. Ты знаешь, тут есть подпольные мастерские и даже пекарни. Да, пекарни. И я не решил, куда – или попроситься в пекарню, или гребешки делать из дерева.

САБИНКА. Да что ты говоришь такое – дети не должны работать.

ЁСЯ. Дети? Мы уже не дети. Мне скоро четырнадцать. Ну тогда пойду в контрабантисты. Мы с Шимонеком уже промышляли этим. (поёт) Их хоб гэһат а швэстэрл,

А кинд фун дэр натур

Мит мир цузамен зих гешпилт

һот зи аганцн ёр.

Мит ир гевэн из мир фил грингер

Лайхтэр вэрн флэгт дэр һингер

Вэн их флэг а кук тон ойф ир.

В дверь стучат. Ёся смотрит в глазок и сразу же открывает дверь. Входит Ирена.

ИРЕНА. Добрый день, Ёся.

ЁСЯ. Пани Ирена! Ура! Вы пришли!

ИРЕНА. Как ты вырос за год! Я к пану Доктору. По делу. Проводи меня к нему.

18.

Кабинет пана Доктора. Ирена и Доктор разговаривают, Ёся подслушивает под дверью.

ИРЕНА (*передавая что-то Доктору*). Вот, пан Доктор, там деньги. (*снимает с себя два платья, остаётся в третьем*) А это кому-то из девочек.

ДОКТОР. Благодарю, пани Ирена, очень благородно с вашей стороны, благодарю.

ИРЕНА. Это ещё не всё, пан Доктор. Я всегда хотела сказать вам, как я вас уважаю. Ещё студенткой читала ваши книги. И ваша радио-передача...

ДОКТОР. «Старый доктор».

ИРЕНА. Да, «Старый доктор» - это был такой глоток свободы. Понимаете, весь этот антисемитизм, который так обострился в последнее время, ещё до оккупации. Началось, когда маршал Пилсудский умер. Эта пропаганда, что льётся на нас - так отвратительно.

ДОКТОР. Они стравливают людей. Достают из человека самое низкое.

ИРЕНА. Да. Знаете, ещё до оккупации все эти нацисты... В нашем университете двое студентов вдруг стали носить коричневые рубашки. И потом спустили в лестницы девушку, она еврейка. Одного человека выбросили в окно - за то, что он еврей. И эти позорные скамьи. Я имею в виду скамьи в аудитории для евреев. Я села на такую. Меня вызвали к декану, потом отчислили.

ДОКТОР. Какая роскошь в такие времена - быть свободным. Быть в меньшинстве. Вы такая смелая девушка.

ИРЕНА. Пан Корчак, мой отец тоже был доктором, как и вы. И он лечил бедных евреев. Вы же знаете, мало кто из польских докторов это делал. И мой отец воспитал меня так. Он умер от тифа, заразился от одного своего пациента.

ДОКТОР. Мои соболезнования, пани Ирена...

ИРЕНА. Это было очень давно. Я хотела сказать... Педагог вашего уровня - такая редкость в наше время. Я считаю, вы один из самых выдающихся граждан Варшавы.

ДОКТОР. Я намекаю на это, знаете, тем людям, у которых прошу денег на своих сирот. Но они делают вид, что не понимают. Или это не стоит нескольких злотых, мешка картошки. Тут в гетто выдающиеся граждане ничего не стоят. Тут, вообще, человеческая жизнь...

ИРЕНА. Пан Доктор...

ДОКТОР. Они не дают детям спокойно умереть! Я пошёл к ним и говорю: дайте умирающим хотя бы умереть спокойно! Дети валяются на улицах, при последнем дыхании. Я попросил: дайте помещение с полками - чтобы разместить всех. И чтобы там было тепло. Умирающий тоже имеет своё достоинство. Человек имеет право на то, чтобы к нему хорошо относились. Хотя бы перед смертью. Дайте помещение с полками, много не надо. Они не дали мне этого.

ИРЕНА. Доктор, я предлагаю вам сбежать из гетто.

ДОКТОР. Что?

ИРЕНА. У меня есть поддельные документы, там написано, что вы поляк, и вы уедете отсюда и забудете всё как страшный сон. На это мы вам дадим денег.

ДОКТОР. Кто мы?

ИРЕНА. Наша организация. Не могу о ней говорить.

ДОКТОР. А дети?

ИРЕНА. Какую-то часть детей я смогу вывести отсюда. Сейчас я вывожу уже по два человека в день. Дело в том, что мы получили сведения, что немцы скоро ликвидируют гетто.

ДОКТОР. Ликвидируют? Нам разрешат вернуться в наше здание на Крохмальной? Они уберут стену? Варшава станет прежней?

ИРЕНА. Нет, пан Доктор, они уничтожат всех людей здесь. Они увезут всех в лагерь смерти.

ДОКТОР. Ах, я не верю ни в какие лагеря смерти! Нет! Эти нацисты, конечно, звери, но лагеря смерти... Надо быть благоразумнее. Когда-нибудь эти ужасы кончатся – и мы вернёмся к прежней жизни. А все эти ужасы...

ИРЕНА. Пан доктор, надо верить тем, кто обещает вас убить. Надо им верить.

ДОКТОР. Пани Ирена, фашисты запугивают нас, их цель – просто запугать, политика такая. Ведь не может же быть такого, чтобы целый народ стёрли с лица земли! И кто – просвещённые немцы, люди высокой культуры.

ИРЕНА. Когда они сделают то, что обещали – будет поздно.

ДОКТОР. Ну, хорошо, а что с детьми? У меня двести человек.

ИРЕНА. Боюсь, что я не смогу спасти всех ваших сирот – тем более, к вам приходят с проверками. Я могу вывести вас и ещё несколько человек. Я бы хотела, чтобы это были Ёся и Шимонек Гольдшмидт, и ещё пара.

ДОКТОР. А остальные?

ИРЕНА. Я делаю, что могу.

ДОКТОР. Это всё мои дети.

ИРЕНА. В гетто полмиллиона людей.

ДОКТОР. И? Это мои дети, все двести. Я их лечу, кормлю, воспитываю.

ИРЕНА. Доктор, нет времени, возможно, скоро станет совсем поздно. Я выведу вас. Мы пройдем через здание суда. Мы войдем с улицы Лешно, а выйдем уже на арийской стороне, на Огородной улице. Нам помогут, мы пройдем через подвал.

ДОКТОР. Это невозможно.

ИРЕНА. Я вывела так несколько сотен детей и несколько взрослых.

ДОКТОР. Это невозможно. Я не брошу детей. И своих вам не отдам. Потому что на арийской стороне еврейю находиться смертельно опасно.

ИРЕНА. Доктор...

ДОКТОР. Пани Ирена, я верю в человека. Я верю, что этот ужас скоро прекратится. Адам Черняков обещал мне, клялся, что детей они точно не тронут. И я верю Чернякову, он уважаемый человек, всё-таки возглавляет юденрат...

ИРЕНА. Пан Доктор...

ДОКТОР. Пани Ирена, я участвовал в трёх войнах. Мое участие в японской войне: поражение. В европейской войне: поражение. В мировой войне... Не знаю, как чувствует себя и чем чувствует себя солдат победоносной армии... Надо просто терпеть. Просто затаиться и ждать. Не предавая никого из своих. Никого не бросая. Всевышний поможет нам.

Ёся больше не слушает, возвращается в холл.

19.

В холле Сабинка читает Шимонеку книжку, Шимонек слушает заворожённо. Ёся взволнован, но не перебивает их.

САБИНКА. Был нос у одного зайчонка

Совсем как хобот у слоненка.

Зайчонок свой длиннющий нос

С гордостью по жизни нёс.

Другие ж зайцы из-за носа

На него смотрели косо.

И прозвали его так:
 Носонос, большой дурак.
 Раз решил он: стоит, вроде,
 Съесть капусты в огороде.
 Смотрит – а в траве у гряд
 Улеглись уж зайцы в ряд.
 Все жуют, наставив уши:
 Всем капуста греет души.
 «Не пойду я с ними в ряд!
 Буду есть у дальних гряд».
 Только виден за версту
 Нос, торчащий в высоту.
 Заяц зайца ввек не бросит.
 «Попадешься, Носоносик! –
 Крикнул Лапка. – Дуралей!
 В землю нос уткни скорей!»
 Нося слушать не желает,
 Нос все выше задирает.
 Заяц зайца не оставит.
 «Нос из грядки вырастает! –
 Крикнул Зубчик. – Зайцеслон,
 Виден ты со всех сторон!»
 Нося слушать не желает,
 Нос все выше задирает.
 Заяц все отдаст за друга:
 «Эй, тебе придется туго! –
 Крикнул Скок. – Большой дурак!
 Так сидеть нельзя никак!»
 Сторож охраняет грядки,
 Смотрит, все ли там в порядке.
 Хобот? Зайцы! «Чтоб вам пусто!
 Пропадет моя капуста!»
 Палку – хват, и во всю прыть
 Зайца он бежит ловить.
 Видят зайки: плохо дело,
 Задрожали аж всем телом,
 Шорох, прыг, мелькнувший след,
 Зайцы были – зайцев нет.
 А у Носи – вот ведь грустно! –
 Нос застрял в ботве капустной.
 Жизнь не сахар! Жизнь не мед!
 Сторож с палкою идет.
 Только тут же, слава Богу,
 Скок примчался на подмогу.
 Носоноса с грядки – хват
 И от сторожа бежать!
 Оба прочь летят стрелою,
 Удирают сразу двое,
 Раз – прыжок – и пустота
 Там, где были два хвоста!

Убежали! Целы всё же!
Бог всё видит, Бог всё может.

Шимонек улыбается счастливо. В дверь громко и властно стучат, Сабинка открывает, входит Броня в сопровождении полицейских.

БРОНЯ (*демонстрируя и передавая Сабинке бумагу*). Вот, передашь директору.
САБИНКА. Что это?

БРОНЯ. Документ. А, вот вы где, голубчики! Наконец-то мы встретились!
Собирайтесь. Вы арестованы.

ЁСЯ. За что?

БРОНЯ. За контрабанду.

ЁСЯ. Мы не занимаемся контрабандой.

БРОНЯ. Я свидетель. Не рассуждать, Гольдшмидт.

Броня хватается за шиворот Шимоника, Ёся бросается на Броню, но тот бьёт его дубинкой.

Ах ты, поц! Хватайте его, ребята!

САБИНКА. Что вы делаете? Пан Доктор! Пан Доктор!

Сабинка убегает за Доктором.

БРОНЯ. Ах ты, шлимазл. Смеялись надо мной со своей мамашей, а вот я теперь над вами смеюсь! Я тут власть!

Ёся вырывается и убегает на улицу. Шимонек плачет, его волокут на улицу, все они уходят. Вбегают Ирена и Доктор, никого нет, распахнута дверь.

20.

Ёся на вокзале. Он прячется, видит, как на площадь немцы и полицаи сгоняют людей, всех грузят в вагоны для скота. Туда же, вместе с детьми из тюрьмы, загоняют Шимоника.

ГЕСТАПОВЕЦ (*в громкоговоритель*). Внимание! Сохраняйте порядок! Вы отправляетесь в восточные земли! Там вас расселят и дадут питание и работу! Внимание! Сохраняйте порядок! Вы отправляетесь в восточные земли! Там вас расселят и дадут питание и работу! Внимание! Сохраняйте порядок! Вы отправляетесь в восточные земли! Там вас расселят и дадут питание и работу!

Ёся плачет.

21.

Ночь, Ёся залезает в окно Дома сирот. Он тайком заходит в кабинет Доктора – там нет никого, но горит свет. Ёся прячется в шкаф. Заходит Доктор с чайником. Он берёт из шкафчика графин со спиртом, разбавляет кипятком, пьёт.

ДОКТОР. Здравствуйте! Здравствуйте, уважаемые радиослушатели! В эфире снова я – Старый доктор. Давно мы не встречались с вами. Знаете, мне ужасно не хватало этого – этих эфиров. Я так привык быть вашим Старым доктором, делиться с вами чем-то дорогим. Рассуждать. И вот сегодня передача возобновлена! Ура!

Итак, о чём же мы будем говорить, спросите вы. Да, о чём? Конечно, снова, как и пару лет назад, о детях. Я не придумал какую-то тему. Мы просто будем говорить, мысль потечёт, как тёплая кровь по жилам, и станет хорошо. Да, станет хорошо, тепло.

Итак, дети. Дети – это масса, воля, сила и право. Да. И право. Они имеют право жить. Имеют право умереть. Они вообще имеют много прав, которые взрослые не соблюдают. Но об этом позже. Дети – повелители чувств, поэты и мыслители. Да, именно так! Поэты и мыслители. Нужно просто послушать. Просто сесть, прикрыть глаза и послушать. Магнит притягивает железо потому, что намагничен. Лучшие кони - арабские скакуны, у них тонкие ноги. У королев кровь не красная, а голубая, у льва и орла тоже голубая. Если мертвец возьмет кого-нибудь за руку, то уже не вырвешься. В лесу есть женщины, у которых вместо волос змеи, а если поближе подойти, то превратишься в камень. А из бумажки можно сделать кошелёк. А из живой воды при ноле градусов образуется живой лёд. А почему нельзя мучить зверей, если мухи в страшных мучениях сотнями гибнут на липучке? Молния сверкнула, няня перекрестилась и говорит, что это бог, значит, бог – это электричество? *(смеется)* Шимонек, дорогой мой! Я помню, как ты спросил у меня это. Значит, бог – это электричество? Где ты теперь, дорогой мой? Многие куда-то подевались. Вот, Гершеле. Так болит голова, ничего не помню. В голове облако какое-то... Гершеле уехал из Варшавы, может быть, в Америку. Это было давно. А старый доктор всё помнит. Гершеле подбирал камушки на дороге и относил их в лес, «Потому что, доктор, им же больно, все топчут их». Им же больно. А сейчас и людей никто не жалеет... Но мы будем говорить о детях, о том, какие они удивительные люди.

Человек. Что такое человек? Вчера нашел на себе вошь и, не моргнув глазом, убил — раздавил на ногте. Если будет время, напишу ей панегирик. Ибо мы относимся к этим чудным насекомым несправедливо, не должным образом. Один русский крестьянин как-то заметил, разозлившись: «Вошь — не то, что человек, она не высосет у тебя всю кровь до последней капли». Да, до последней капли... Дорогая вошь! *De mortuis aut bene, aut nihil* - о мёртвых или хорошо, или ничего, говорили римляне. Ты жила так, как ты умела. Думала о продолжении рода, о детях - разве это плохо? Даже хорошего человека из Ойзера сделала. Да, есть такая еврейская сказка, там Ойзер-неряха не мылся, не причёсывался, пока не встретил вошь. Они пишут на листовках: жид, жидовская вошь. Они сказали: живите в гетто со своими вшами, грязные жида. Я знавал одного Лауза, очень приличный человек, а фамилия-то переводится как «вошь». И вот, настала твоя смерть, вошь. Кто-то, не моргнув глазом, раздавит тебя. Человек – это такое биологическое, перерезал один крошечный сосуд – и его уже нет. Я много раз видел, как люди умирали, ведь я доктор. Но я видел, как люди рождались, с каким удивительным усилием, мощно! Разрывая материнское чрево, выходит новый человек, пробивается к жизни созревший плод. И ему не жалко чрева матери, он прав, жизнь права, жизнь жестока. Да, жизнь. Я много думал о том, что есть жизнь. Государство требует официального патриотизма, церковь - догматической веры, работодатель - честности, а все они

- посредственности и смирения. Слишком сильного сломает, тихого затрет, двуличного порой подкупит, бедному всегда отрежет дорогу - кто? Да никто - жизнь! Я с этим боролся. Удивительно это чувство страха. Всё кажется опасным. Словно кто на мысли набросил черную шаль и душит. Даже дышать трудно. Но можно усилием воли пробовать его преодолеть. Наверное, жизнь — это какое-то постоянное усилие, преодоление каждый день. Мне приходится теперь каждый день делать усилие, чтобы встать и идти. И сказал господь: встань и иди! Ноги распухли, больно наступать. Но хуже, что сознание во мраке. Делаю усилие. Но никак не могу проснуться. Всё как в полусне, ненастоящее.

Я не потерял мысль. Продолжим о человеке. Сейчас я живу в десятом семилетии жизни: девять умножить на семь равно шестьдесят три. С большой тревогой я ждал два, умноженное на семь. Помню, лежал в постели и слушал, когда пробьёт двенадцать и я войду в новое время. Я есть. Я вешу. Значу. Меня видят. Я смогу. Я буду. Это я понял в ту ночь. Варшава. Мой город, моя улица, мой магазин, где я всегда покупаю, мой портной, моё — и это самое главное — место работы. Лишь бы не хуже. Если можно было бы сказать солнцу «остановись», так это, пожалуй, тогда, в том семилетии. Есть такой трактат — «О счастливейшем времени жизни» — и кто бы поверил — Карамзина. Ох, и надоел же он нам в русской школе.

Какие невыносимые сны! Вчера ночью: немцы, а я без повязки в недозволенный час в Праге. Просыпаюсь. И опять сон. В поезде меня переводят в купе, метр на метр, где уже есть несколько евреев. Этой ночью опять мертвецы. Мертвые тела маленьких детей. Один ребенок в лохани. Другой, с содранной кожей, на нарах в мертвецкой, явно дышит. Новый сон: я на неустойчивой лестнице, высоко, а отец опять и опять сует в рот кусок торта, большой, этакий с глазурью и с изюмом, а то, что во рту не помещается, раскрошенное, кладет в карман. В самом страшном месте просыпаюсь. Не является ли смерть таким пробуждением? Когда уже нет выхода?

«Каждый может найти эти пять минут, чтобы умереть» — читал я где-то.

Прадед мой был стекольщиком. Я рад: стекло дает людям тепло и свет. Тяжелое это дело — родиться и научиться жить. Мне осталась куда легче задача — умереть. После смерти опять может быть тяжело, но об этом не думаю. Последний год, последний месяц или час. Хотелось бы умирать, сохраняя присутствие духа и в полном сознании.

Я приготовил яд. Лучше всего было бы нам всем... Никого бы не бросили... Мы бы все тогда... Они бы просто заснули, я тоже. Мы бы, наконец, перестали мучаться. Зачем причинять страдание детям? Если они могут просто заснуть. Цианиды, цианиды, цианиды. Их создал Всевышний.

Господи! Как сказала Ханна своему сыну, которого убивали: «Сын мой, иди к праотцу нашему Аврааму и скажи ему: «Так говорит моя мать: нечем тебе гордиться! Ты построил один жертвенник, а я — семь. Тебя Всевышний только испытал на готовность принести жертву — от меня он потребовал самой жертвы». Ханна, как ты была права!

И я сейчас хочу сказать тебе. Господи, я — несколько ковшей грязной воды, помой в сосуде из кожи. Таким ты меня сотворил, себе на потеху. Но мысль мою ты окрылил. Только вот жизнь эти крылья пообломала, а кровавые раны перемазала грязью. Эх, коснулся бы я крыльями неба... Но оно для тех, кто тебе поклоняется и прислуживает смиренно. А во мне — ни смирения, ни поклонения. Только бунт. Не дерзкое честолюбие, но гордость. Гордо расправил

я плечи — не жажду я милости и кары не боюсь. Я — сам себе мир, и в этом мире я — Господь и Бог. И лишь я сам себе — повеление, сам себе клич, сам воля: что творить и что разрушать. Свое у меня солнце и молнии свои. Что пожелаю, то и сотворю. Захочу — кровь добела раскалю, захочу — ударю в колокола всех страстей, единым громом прогремят грехи и грешки, мысли ядом напою — устрою пожарище на алтаре бунта моего против тебя — и сам сгорю в пламени. Ибо я того хочу. Не хочу вратать по частям в могилу, не хочу милости медленного умирания. Я — взбунтовавшийся раб в последний, единственный миг свободы с единственным словом протеста на устах — нет! Не хочу, не буду, не уступлю, не подчинюсь. Всемогущ ты, а подлость, однако, побеждает, травит бездомное добро. Всемогущ ты, а правда почему-то бессильна в этой борьбе. Всё — подлость и ложь в раздвоенном человеке, всё, кроме когтей и клыков. И рычу я на тебя, как пес хищный, готовый наброситься и загрызть. Ищу налитым кровью взглядом — и поражаю пустоту. Ты — творец и властелин!

Господи, спаси нас!

Господи, спаси нас!

Господи, спаси нас!

Господи, спаси нас!

Господи, спаси нас!

Доктор падает на постель и мгновенно засыпает без сил.

22.

Вокзальная площадь, заполненная людьми, которых грузят в вагоны для скота. Подходит колонна с зелёным флагом – это Доктор и его дети. Их тоже грузят в вагоны.

23.

Вокзальная площадь, заполненная еврейской полицией, среди них Броня. Немецкие солдаты заталкивают их в вагоны для скота.

24.

Перед стеной гетто расположился парк аттракционов, польские дети катаются на них, смеются, в то время как за стеной, в гетто, немцы уничтожают всё артиллерией: огонь, взрывы. В гетто остаются только руины и ничего живого.

25.

2007 год. Студия радио-передач. За столом Ведущая, Старушка и Старик.

ВЕДУЩАЯ. Здравствуйте, уважаемые радиослушатели! И снова в прямом эфире передача «По волнам нашей памяти». Сегодня у нас в гостях люди, которые пережили вторую мировую войну. Они коренные варшавяне, были свидетелями гетто и варшавского восстания. Разрешите представить – Ирена Сендлерова и Ежи Кшесинский. Напоминаю, что вы можете звонить в

редакцию, задавать вопросы нашим гостям. Здравствуйте, пани Сендлерова, здравствуйте, пан Кшесинский!

СТАРУШКА. Здравствуйте!

СТАРИК. День добрый!

ВЕДУЩАЯ. Большая честь для нас беседовать с вами, пани Ирена. Напомню радиослушателям, что пани Ирена Сендлерова спасла из гетто 2500 еврейских детей...

СТАРУШКА. Я не одна, нас была целая сеть. Сначала эта сеть была независимая, а с декабря 1942 года мы вошли в состав Жеготы.

ВЕДУЩАЯ. Жегота – организация помощи евреям.

СТАРУШКА. Да. Но два года мы это делали сами.

ВЕДУЩАЯ. А кто входил в вашу организацию? Что это были за люди?

СТАРУШКА. Это были поляки, жители Варшавы и других городов, все поляки, простые люди. Мы размещали детей в семьях, монастырях, детских домах. И были связные – еврейские девочки-подростки. Но на них охотилось гестапо, поэтому мы старались ограничиться поляками.

ВЕДУЩАЯ. Долгие годы подвиг пани Ирены был забыт. Польское НКВД после установления в Польше коммунистического режима преследовало Ирену Сендлерову за её сотрудничество с правительством Польши в изгнании и Армией Крайовой. Никакой благодарности пани Ирена не получала вплоть до недавнего времени. А между тем, две тысячи пятьсот детей выжили благодаря ей, и у нас в студии один из спасённых Иреной детей – пан Ежи Кшесинский. Пан Ежи, расскажите о том, как это было.

СТАРИК. Вы имеете в виду – жизнь в гетто или побег?

ВЕДУЩАЯ. Сначала жизнь в гетто.

СТАРИК. Ну, это было трудное время... Память стала изменять мне. Но вы и сами знаете: голод, болезни...

ВЕДУЩАЯ. Плохое не хочется помнить, понимаю вас. Расскажите, пожалуйста, про побег.

СТАРИК. Меня спасли через городскую канализацию. Я знаю, что грудных детей пани Ирена выносила в ящиках, коробках, капнув им снотворного, а я был тогда уже подростком, с такими, как я, была проблема.

СТАРУШКА. Мы выводили какое-то время их через здание суда. Суд находился и в гетто, и на арийской стороне. Но потом немцы поймали одну мою связную, пытали. Пришлось отказаться от суда. Мы стали пользоваться канализацией.

СТАРИК. Мы спустились с проводницей в канализацию. Нас было пять детей, я старший. Проводнице было лет шестнадцать, кажется.

СТАРУШКА. Хелене? Кажется, даже пятнадцать.

СТАРИК. Мы брели по колено в нечистотах. Она знала путь. Когда мы вышли на поверхность – была ночь. Мы подняли крышку люка и вылезли все посреди улицы, нас встретили, и мы, как были, мокрые и вонючие, пришли на квартиру следующей проводницы. Там нас помыли, переодели, дали новые документы с польскими именами и распределили – кого в детский дом, кого в семью. Я попал в семью Кшесинских. Я везунчик! Моей мамой стала Гражина Кшесинская, медсестра. Ну и, конечно, пани Ирена. Она наша общая мама. Мама Гражина уже умерла, а мама Ирена нас радует.

ВЕДУЩАЯ. Сколько вам лет, извините за нескромный вопрос, пани Ирена?

СТАРУШКА. Ха-ха! Не бойтесь меня этим обидеть! Мне уже девяносто семь, деточка, столько не живут.

ВЕДУЩАЯ. У вас есть свои дети?

СТАРУШКА. Да, было двое. К сожалению, сын недавно умер – у него было больное сердце, как и у моей мамы. Ещё у меня есть дочь, внуки.

ВЕДУЩАЯ. Я читала, что одного ребёнка вы потеряли уже после войны?

СТАРУШКА. Да, после допросов в НКВД. Он прожил одиннадцать дней всего.

ВЕДУЩАЯ. Поразительная история – эти допросы. И то, что вас не выпускали в Израиль, где вам присвоили звание Праведник Мира.

СТАРУШКА. Бог им судья. А я корю себя, что так мало спасла. Мне снятся те, кого я не успела, не смогла спасти, все эти дети.

СТАРИК. Пани Ирена, вы спасли гораздо больше. Наши дети и внуки – их бы не было без вас.

ВЕДУЩАЯ. Я знаю, что вы записывали каждого ребёнка, и после войны эти списки сохранились.

СТАРУШКА. Да, я подумала, что нельзя оставлять детей без прошлого. Хотя, вести эти списки было опасно. Я писала на бумаге имена – еврейские и новые польские – и клала в бутылки из-под молока и зарывала в саду своей подруги Ирены Шульц. Так они и хранились там, в бутылках, до конца войны. Мне эту идею подсказал Ёся.

ВЕДУЩАЯ. Ёся?

СТАРУШКА. Он. Пан Кшесинский. Он раньше был Иосиф Гольдшмидт.

СТАРИК. Моя мама писала нам такие письма в бутылках, нам с братом. Другая мама, самая первая. Её звали Ривка – Ревекка.

ВЕДУЩАЯ. Ваша мама нашла вас после войны, пан Ежи?

СТАРИК. Нет, моя мама погибла в гетто. Мы с братом долго не хотели в это верить.

ВЕДУЩАЯ. А ваш брат?

СТАРИК. Он тоже погиб. Его отправили в Треблинку. И бабушка погибла во Франции.

ВЕДУЩАЯ. Расскажите про это.

СТАРИК. Память стала изменять мне. Ужасы гетто и немецких концлагерей хорошо известны, в общем-то...

ВЕДУЩАЯ. Нам интересно узнать про вашу жизнь.

СТАРИК. Я везунчик. Мне просто очень повезло. Я умею радоваться простым вещам. Знаете, восходу и закату солнца. Да даже бигосу. Как писал наш великий польский поэт Мицкевич:

В котлах же бигос прел. Такого слова нету,

Чтоб описать его по вкусу и по цвету.

Что слово? Плод ума. Что рифма? Лишь туман.

Не схватит сущности желудок горожан.

ВЕДУЩАЯ. Какое милое стихотворение!

СТАРИК. Да, простое, но наполненное любовью к родине, к Польше. Знаете, мои дети католики, мои внуки католики. И теперь меня приглашают в школы, чтобы я рассказал про Варшаву тех лет, про гетто, про войну.

СТАРУШКА. Так и расскажи, Ёся.

СТАРИК. Пани Ирена, что могу рассказать – я был ребёнком, ничего не помню. Моё самое светлое воспоминание – как в 1942 году я проходил таинство конфирмации в костёле.

ВЕДУЩАЯ. Вас до этого крестили?

СТАРИК. Да, меня усыновили, и чтобы не возникало подозрений, что я поляк, меня крестили. А когда мне исполнилось четырнадцать – произошла моя

конфирмация. И вот это вот ощущение праздника! Когда господь как будто целует тебя в лоб...

ВЕДУЩАЯ. Вот платок, пан Ежи.

СТАРИК. Благодарю. А епископ говорит: "Прими знамение дара Святого Духа". Свет льётся в витражи, ангелы летают! Звуки органа! Это был самый счастливый день в моей жизни, понимаете? Осень 1942 года.

СТАРУШКА. Летом 1942 года ликвидировали Дом сирот Януша Корчака, где Ёся с братом Шимонеком прожили год.

ВЕДУЩАЯ. Вы жили в Доме сирот Януша Корчака? Пан Ежи, расскажите нам про этого великого человека.

СТАРИК. Януш Корчак – великий педагог, писатель. К сожалению, память изменяет мне...

ВЕДУЩАЯ. А у нас первый звонок от радиослушателей. Пани не представилась. Здравствуйтесь, слушаем вас! Говорите, вы в прямом эфире!

ГОЛОС (*поёт*). Купите, койфт жэ, койфт жэ папиросн

Трукэнэ фун рэгн нит фаргосн

Койфт жэ билик бэнэмонэс

Койфт жэ хот ойф мир рахмонэс

Ратэвэт фун хунгер мих ацинд

Купите, койфт жэ, швэбэлэх антикн

Дер мит вэт ир а ёсмл дэрквикн

Умзист майн шрайен ун майн лойфн

Кэйнер вил ба мир нит койфн.

Ойсгейн вэл их музн ви ахунт.

СТАРИК (*плачет*). Сабинка! Это ты, Сабинка? Где ты? Ответь мне!

ВЕДУЩАЯ. К сожалению, наша радиослушательница так и не представилась, и положила трубку. Это ваша знакомая?

СТАРИК (*поёт*). Майн татэ ин мэлхомэ хот фарлойрн зайнэ һэнт,

Майн мамэ фун ди цорэс

Мэр ойзһалтн нит гэкент.

Юнг ин кэйвэр зи гэтрибн,

Бин их ойф дэр вэлт фарблибн

Умгликлэх ун элнт ви а штэйн.

ВЕДУЩАЯ. Вы поёте знаменитую песню на идиш? О чём она?

СТАРИК. Я наврал вам. Не конфирмация, нет. Я не какой-нибудь гой. Я еврей. Мой самый счастливый день был не этот. Мой самый счастливый день был – Ханука 1941 года. В доме сирот Януша Корчака. (*кричит*) Сабинка! Ди бист майн гарц, а зисер майн кинд, а лихтекер пунем, голд майнс! Сабинка!

СТАРУШКА. Нит гидайге, Ёся.

ВЕДУЩАЯ. Я не понимаю, на каком языке вы говорите?

СТАРИК (*плачет*). Это язык моей мамы! Моей мамы Ривки! И моего брата Шимона! Они погибли, понимаете! Их больше нет!

ВЕДУЩАЯ. Вот платок, пан Ежи, успокойтесь...

СТАРИК. Я не пан Ежи, я Иосиф Гольдшмидт! Уговаривал Сабинку пойти со мной, сбежать вместе по канализации. Уговаривал, умолял. Но она не захотела. Она хотела быть с паном Доктором, понимаете, она называла его майн таты.

СТАРУШКА. Нит гидайге, Ёся, не рви себе сердце.

ВЕДУЩАЯ. Пан Доктор – это кто? я не понимаю...

СТАРУШКА. Это Януш Корчак, детка.

ВЕДУЩАЯ. А мы прерываемся на рекламу, говорят мне...

СТАРИК (*перебивая*). Подождите! Я должен сделать это. Подождите. Сабинка,
 ты помнишь? (*поёт*)
 Хануке, ой, Хануке!
 А йом тов а шейнер
 А люстигер, а фрейлихер,
 Нито нох а зейнер
 Але нахт ин дрейдл шпилн мир
 Зудигхейсе латкес эсн мир
 Гешвиндер циндт киндер
 Ди динике
 лихтелех он.
 Зогт «Ал а-нисим», лобт Гот фар ди нисим,
 Ун кумт гихер танстсн ин кон!

КОНЕЦ
 2014 год

*Я бы хотела быть у мамочки моей
 как только можно долго.
 Я бы тогда была
 похожа на цвет розы.
 Гуляю я, гуляю как будто белая лилия,
 Где обращу лицо, ветер мне освежает.
 Выйду я в поле, спою песенку,
 Посмотрю на солнце - оно еще высоко.
 Высоко, высоко где-то у Бога-отца,
 Я не выпалась еще после вчерашних танцев.